

Наталья Андреева

ДЕТЕКТИВ & ЗАГАДКА

Десять ударов
в ГОНГ

Наталья Вячеславовна Андреева

Десять ударов в гонг

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8106503

Десять ударов в гонг : роман / Наталья Андреева: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-73889-2

Аннотация

Десять лет назад Вера Алмазова решила выйти замуж. Согласие жениха ее при этом мало интересовало. Умная женщина всегда найдет способ привязать к себе понравившегося ей мужчину. Не за деньги, так за свободу. Так, предприимчивая Вера получила мужа за алиби. Однако Никита проявил редкую сообразительность и сумел сделать так, что за решеткой в итоге оказалась сама Вера, на долгие десять лет. Разумеется, все эти годы она вынашивала план мести. Никита же за это время сумел разбогатеть, женился на красавице-модели, обзавелся влиятельными тестем и тещей. В общем, сделался практически неуязвимым. Но, как известно, у каждого есть слабости...

Наталья Андреева

Десять ударов в гонг

© Андреева Н.В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

...Утром первого июля она уже знала, что это все, конец. «С вещами на выход». Дождалась! Самыми долгими из этих десяти лет, проведенных в неволе, были первый день и последний, который показался Вере Алмазовой вечностью. За сизым дымом лесных пожаров и огромным облаком пепла, висящим в воздухе, совсем не видно было солнца, и потому непонятно, утро или вечер? Рассвет или уже закат? Вера нетерпеливо смотрела на небо и гадала: сколько еще осталось? В промежутке между первым и последним много чего

случилось, бывало, и нервы сдавали, душа, как в ад, погружалась в отчаяние, а однажды даже Веру, полуживую, вынимали из петли, подружка закадычная Татьяна спасала, царствие ей небесное! Отстояла, смерти не отдала, а сама...

Вера торопливо отогнала мысли о Тане, о том, что должна для нее сделать. Долги надо отдавать, этому Вера Алмазова давно научилась. Но это потом. Таня подождет, она уже никуда не торопится. Иной раз приснится, улыбнется молча, кивнет: живи, мол, радуйся каждому дню, а как нарадуешься, так и до меня черед дойдет. Таня терпеливая. Потому что мертвая. Мертвые минуты не считают, им торопиться некуда. Поэтому Таня подождет. А вот Никита...

Где он, что с ним? Вера тайно надеялась, что бывшего мужа жизнь уже наказала: фирма, которую Алмазова оставила Никите «в наследство», разорилась, сам он спился, уехал обратно в провинцию, к маме под бочок. Лежит себе на диване с бутылкой пива, обрюзгший, пузатый, заросший щетиной, никому не нужный...

Именно этот образ любимого когда-то мужчины Вера и лелеяла все эти долгие десять лет. Не может быть, чтобы человек, проложивший путь наверх в буквальном смысле по трупам и подставивший вместо себя женщину, жену, спрятавшийся за ее спину, жил после этого припеваючи и процветал. Есть же на свете справедливость? Вера очень на это надеялась, потому что только надежда у нее и оставалась. Все остальное отобрали. А любовь... Любовь умерла. И не

только любовь. Смерть взяла кровавый след, словно собака-ищейка, и шла теперь за Верой Алмазовой по пятам. Вера даже чувствовала ее дыхание и боялась обернуться на свое прошлое, вспомнить о нем лишний раз, подумать о совершенных ошибках. Главная ошибка – Никита. Это и так понятно.

Три года назад умерла мама, которая следила за принадлежащей дочери московской квартирой, исправно за нее платила, присылала весточки с воли, баловала передачами. Мама не стало – и ничего не стало. Братьев-сестер у Веры не было, детьми не обзавелась, а дальняя родня вычеркнула уголовницу из списка живых сразу после вынесения приговора. Осталась только мама, которую на все десять лет не хватило. Умерла она тихо и почти неделю лежала в своей норе-хрущобе, пока соседи не почувствовали трупный запах и не вызвали участкового. Слава богу, к тому времени Вера обзавелась на зоне подружками. Ее собственный статус был достаточно высок теперь, чтобы оказывать покровительство, а люди за решетку попадают и весьма состоятельные. Дружить с нужными людьми и быть им полезной Вера научилась, еще когда с остервенением делала карьеру, лет двадцать назад. И черт ее дернул связаться с Никитой! По уму надо было замуж выходить, а не по сердцу. И уж конечно, не из принципа: я своего все равно добыюсь!

Добилась. И себя добила.

– Алмазова! С вещами на выход!

Она вздрогнула: задумалась. Точнее, замечталась. Никиту она все равно накажет, но одно дело добить лежачего, и совсем другое пешему нападать на верхового, да еще и вооруженного до зубов врага. А у самой в активе что? Узелок с жалкими пожитками и справка об освобождении после десяти лет отсидки? А статья-то какая! Убийство! Чудо, что удалось десяткой отделаться! На это ушли все Верины сбережения: на дорогих адвокатов и взятки. Да на то, чтобы на зоне иметь хоть какие-нибудь поблажки.

Когда-то она в запале бросила Никите:

– Я вернусь! Я обязательно вернусь! Ты преподавал мне урок, но я окажусь способной ученицей!

Теперь она улыбалась собственной наивности. Такой «учебы» и заклятому врагу не пожелаешь. Вера даже не знала, как приступить к делу. Кое-какие наметки были, и первое: деньги. Жилье и деньги. Но сначала надо добраться до Москвы.

Выйдя за ворота, она какое-то время стояла, собираясь с мыслями. Потом достала из пачки сигарету, не спеша прикурила и глубоко затянулась. Раньше у нее вредных привычек не было. Не пила, не курила, из койки в койку не прыгала, вела здоровый образ жизни, высокоморальный, стгорала на работе. Или, как еще говорят, душой болела за дело. Она горько улыбнулась.

Раньше... В другой жизни. А теперь надо начинать все с нуля. Вера, прищурившись, посмотрела на сигарету, при-

кидывая: курить, что ли, бросить? Раз остальное пока недоступно. С чего-то же надо начинать. Зарабатывать очки, чтобы выйти из нуля. Если нельзя приобрести полезную вещь, то от бесполезной можно избавиться всегда. И таким образом оказаться в плюсе.

Она отшвырнула сигарету, докуренную почти до фильтра, и широко, по-мужски, зашагала в сторону вокзала.

Кассирша, продавшая Вере билет на поезд, отсчитывала сдачу дрожащими руками. Алмазова невольно усмехнулась: оно и понятно. Здесь на таких насмотрелись. Со справкой вместо паспорта. Кто знает, чего от них ждать? Даром, что на вокзале круглосуточная охрана. Они же все безбашенные, те, что со справками.

Вера и в самом деле чувствовала, что способна теперь на все. Воздух свободы пьянил, а страха не было уже давно. Самое ценное, что есть у человека, это жизнь, а если он умер, так у него, выходит, и отнять нечего. Вера уже устала умирать. И только мысль о Никите оставалась той самой тоненькой ниточкой, которая еще привязывала ее к жизни. Узнать, что с ним. Есть ли на свете справедливость? Отомщена ли она, Вера?

А еще Татьяна. Надо выполнить ее последнюю просьбу. Одно доброе дело, и одно дело злое. Но справедливое. Хотя Вера была готова отказаться от мысли отомстить Никите, если дела у того совсем уж плохи. За десять лет много воды утекло, всякое могло случиться. Иная жизнь хуже смерти.

Насладившись видом страданий бывшего мужа, Вера могла бы его и простить.

Стоя на перроне в ожидании поезда, она машинально достала из пачки сигарету. Было жарко и душно, отвратительно пахло гарью. В начале века климат стал вдруг резко меняться, как из мешка посыпались природные катаклизмы. При чем «мины» рвались в разных точках земного шара – где цунами, где наводнение, а где небывалая засуха. Теперь лето в Сибири стало жарче, чем в Москве, которую засыпало снегом и заливало дождями. К этому Вере предстояло еще привыкнуть. Она не была в столице долгие десять лет.

Над горящей тайгой кружил вертолет: высматривал очаги пожаров. Наконец объявили посадку. Вера торопливо шагнула в вагон. Ехать предстояло долго, но это ее не тяготило. Надо собраться с мыслями. Прежде чем завалиться на верхнюю полку, Вера хотела умыться, избавиться от запаха гари и отвратительных хлопьев сажи, облепивших подбородок и щеки, поэтому терпеливо ждала, когда хмурая проводница откроет туалет. То ли из-за жары, то ли от безнадежности и предстоящей им утомительной долгой дороги все пассажиры, садящиеся в московский поезд, были такими же хмурыми и неразговорчивыми, как проводница. Поездка в столицу никого почему-то не радовала. Москву давно уже перестали воспринимать как праздник, скорее как обязанность, а иногда – как наказание.

Вера же возвращалась домой. Но откровенничать ни с кем

не стала, молча вошла в купе, молча переоделась, отрицательно и все так же молча покачала головой, когда молодой симпатичный мужчина предложил поменяться полками. Он великодушно предлагал даме нижнюю, но Вера отказалась. Мужчина был чем-то похож на Никиту, уже повод для неприязни. И второй повод – он мужчина. А от них она не намерена принимать никаких подарков. Героев среди них давно уже нет, и кто знает, что у него на уме? В ответ на любезность придется общаться, а этого ей не хочется. Она оставила симпатичного попутчика в купе стелить белье и пошла в туалет.

Из мутного зеркала на Веру смотрела старуха с коротко стриженными волосами, наполовину седыми, с усталыми глазами неопределенного цвета и скорбными морщинами в углах вялого рта. Кожа серая, сухая, щеки впалые. За десять лет Вера не прибавила в весе и оставалась сухощавой, только теперь худоба эта выглядела болезненной. Сорок пять лет. Всего-то. Иные, вон, детей рожают! И выглядят как вишенки на торте, все такие аппетитные, светящиеся изнутри, пропитанные сладким сиропом. От хорошей жизни чего ж не выглядеть? Когда всего вдоволь, а любимый мужчина платит той же монетой, то есть любовью, не как некоторые.

Вера невольно затосковала. Жизнь кончилась, едва начавшись. Жалкая неудачница, вот кто такая она, Вера Алмазова. Она покосилась на плохо вымытый унитаз и поморщилась. Проводница – лентяйка. Туалетной бумаги и мыла не

дождешься, а кипятка для чая придется просить не единожды. Занавески на окнах грязные, на сером постельном белье зияют дыры и видны следы штопки. Воруют везде, где только можно. Россия, мать ее!

Вера торопливо начала плескать в лицо вонючей водой из-под крана. Только не предаваться отчаянию! Держать себя в руках! Надеяться на лучшее!

Уф! Она перевела дух и снова посмотрела в зеркало. Лицо немного посвежело. Ручка на двери дернулась, но Вера не спешила выходить. Подождут. Торопиться некуда. Долгий путь еще только начался.

Где ты, Никита? Что с тобой? Как ты?

«Будем надеяться, что плохо», – подумала Вера, щелкнув замком. В коридоре стоял тот самый симпатичный блондин из ее купе, напомнивший Никиту. И вновь ее мысли вернулись к бывшему мужу.

Как он там?

* * *

Утром первого июля он проснулся в отличном настроении. Впрочем, как всегда. Вот уже много лет Никита Намин, открыв глаза, радовался новому дню. Жизнь удалась! Он сладко потянулся и со счастливой улыбкой принялся к запаху свежееиспеченных булочек с корицей, восхитительный аромат которых чувствовался и в спальне на втором эта-

же. Домработница уже встала, а за окном (Никита был в этом уверен) суетится садовник, оглядывая фронт работ и срезая увядшие цветы в розарии. Косить газоны и производить прочий шум ему запрещено, пока молодая хозяйка не спустится к завтраку.

Никита улыбнулся еще шире. Да, кому-то везет по-крупному! Вот он, баловень судьбы, нежится на шелковых простынях, предвкушая восхитительный завтрак. Рядом сладко спит жена; он встал, стараясь не шуметь, чтобы ее не разбудить. Таша проспит до полудня, если только няня ее не разбудит. Четырехлетняя Даша порой просится к маме «почмокаться».

Никита улыбнулся, вспомнив дочку. Еще одна радость. Да, жизнь удалась!

Погода была прекрасная, соответственно настроению. Это лето в Москве выдалось очень ровным. Где-то полыхали пожары и стояла небывалая жара, а иных залило. Москву же нынче природные катаклизмы обходили стороной, июль обещали теплым, но не жарким, август сухим и таким же теплым, поэтому решено было провести лето в загородном доме, а в Европу поехать осенью, в сентябре. Дату назначать не стали, Никита Борисович Намин сам себе хозяин и отпуск возьмет, когда захочет. Впрочем, управлять компанией он может из любой точки земного шара, хвала инету, этому верховному богу двадцать первого века! Просто в Москве сейчас погода комфортнее, чем где бы то ни было. В трехэтаж-

ном особняке есть все необходимое, в том числе и закрытый плавательный бассейн.

Так живут богатые. К тридцати шести годам Никита Борисович обзавелся всеми положенными атрибутами простого человеческого счастья. У него крупная фирма, торгующая компьютерами и оргтехникой и приносящая неплохой доход, солидный банковский счет, просторный загородный дом и шикарная квартира в Москве, а также небольшая уютная вилла в Испании – это из недвижимого имущества. Что же касается движимого...

Никита счастливо вздохнул. Дорогая машина, катер для прогулок по реке, наручные часы за пару сотен тысяч евро, новомодные гаджеты... Все это у него есть. Это так, пустяки. Игрушки. Не это главное. Главное, что у него красавица жена! С Ташей ему откровенно повезло. Девочка из хорошей семьи, воспитанная, образованная, коренная москвичка, интеллигентка бог знает в каком поколении. Родители – профессора московских университетов, папа технического, мама гуманитарного. В семнадцать лет их умница и красавица дочка начала карьеру модели, но все пристойно. Никаких связей с криминалом, никаких взяток за призовые места на всевозможных конкурсах. Упаси боже переспать с кем-нибудь из членов жюри! Ташу нельзя купить, только завоевать!

Есть такие незаменимые люди: вечно вторые, зато чистенькие, как стеклышко. Лучшие куски, понятно, достаются другим, тем, кто хорошо платит за это, деньгами ли, сво-

им телом, неважно. Но для достоверности и солидности нужен кто-то, не вызывающий сомнений. «Как это мы короны продаем?! Да что вы такое говорите?!»

И тут на первый план выдвигается Таша, бесспорная красавица, с которой можно говорить хоть о Сартре с Камю, хоть о творчестве постмодернистов, хоть о законах высшей математики. А если какой-нибудь болван журналист поинтересуется, сколько планет в Солнечной системе, то ему презрительно назовут самый крупный спутник Юпитера, и в какой именно галактике находится эта самая система. Хотите, даже на английском или на французском разьяснят. Да так, что он залетит краской до ушей. Потому что у Таши университетское образование плюс музыкальная школа, разряд по теннису и бесконечное количество спецкурсов. Она все время чему-то учится – то оксфордскому акценту с носителем языка, то искусству чайной церемонии у настоящей гейши, то итальянской кухне под руководством повара, отмеченного парой мишленовских звезд. Получая сертификат на одних курсах, Таша Намина тут же записывается на другие. Она постоянно занимается самосовершенствованием, хотя, на взгляд Никиты, да и всех остальных мужчин, эта женщина и без того – совершенство!

Никита женился на ней пять лет назад и искренне считал, что судьба его осчастливила. Ради него Таша оставила карьеру модели и ни разу его в этом не упрекнула. Вот что значит воспитание! Никита знал, что его жена – настоящее

сокровище. Стоило подождать, не связывать себя по рукам и ногам, пока не составится столь блестящая партия. Такая жена – половина успеха. Благодаря ей он вошел в круг научной элиты и может теперь блеснуть умными мыслями на любом саммите, не ступать в любой компании, даже самой звездной.

Он на цыпочках вышел из спальни и направился в душ. Ванная комната была огромная, половину ее занимала джакузи. Таша обожала нежиться в душистой пене. Никита снял халат и посмотрел в огромное зеркало. Черт возьми, как же он себе нравился! Хотя на талии наметился жирок, а лицо заметно округлилось, Никита был все еще хорош собой, и дорогой костюм до сих пор сидел на нем отлично, скрывая небольшие недостатки фигуры. Таша моложе на девять лет, она еще в том возрасте, когда можно есть все, что вздумается, и при этом не полнеть. Он и сам когда-то был таким. А теперь приходится следить за весом. Как и жена, Никита регулярно заглядывал в спортзал, находящийся в цокольном этаже, но, честно сказать, ленился. Жизнь была полна приятностей, больших и маленьких, хотелось нежиться в ней, как нежится Таша в душистой пене, а не истязать себя физическими упражнениями.

Поэтому он с аппетитом съел пару булочек с корицей, выпил две чашки кофе и направился в гардеробную выбирать костюм на сегодняшний день. Ничего важного не намечалось, первое июля, середина лета, многие сейчас в отпусках.

Лето для бизнеса – мертвый сезон. Во всяком случае, для того бизнеса, которым занимается он, Никита. Вот к сентябрю зашуршат. Скоро народ потянется с дач и из теплых краев, накупавшись в море, зарядившись солнечной энергией. Вот тогда и начнется...

День как день. Никита даже забыл, почему обвел его в настольном календаре красным кружком, да еще и поставил рядом три восклицательных знака. Или не он? Намин, как ни старался, не мог припомнить, когда он это сделал и зачем? Поэтому вызвал секретаршу.

Она была похожа на оловянного солдатика – маленькая, прямая, как палка, всегда одетая в темный костюм. На взгляд Никиты, у нее было только одно бесценное качество: исполнительность. Ира никогда ничего не забывала. Вот и сейчас, когда он ткнул пальцем в календарь и спросил: «Что это?» – секретарша испуганно моргнула и прошептала:

– Ну, как же? Это для вас очень важно, как вы объяснили.

– Я забыл, – сердито сказал Никита.

И секретарша с готовностью открыла свой блокнот:

– Первого июля этого года выходит из заключения Вера Александровна Алмазова, – прочитала она.

– Из какого заключения? – наморщил он лоб.

– Из колонии, – пролепетала Ира. – Вы просили напомнить, когда заканчивается срок ее заключения.

– Вера Ал... Ах да! – хлопнул он себя по лбу. – Начальника службы безопасности ко мне позови! Срочно!

– Сию минуту, – и Ира исчезла.

Он встал и взволнованно прошелся по кабинету. Кабинет был огромен, окна выходили на оживленный проспект, но благодаря тройным стеклопакетам почти не пропускали звук. Никите нравилось наблюдать, как внизу сплошным потоком едут машины, так он чувствовал себя в гуще событий, в центре бурлящего котла московской жизни, а не на ее обочине.

Вера... Не то чтобы он забеспокоился. За десять лет много воды утекло. Если он и вспоминал бывшую жену, то сломленной, с потухшим взглядом, сутулой спиной и поникшими плечами, какой она была в зале суда после вынесения приговора. Почти год тянулось следствие, и все это время Вера томилась в ожидании. Когда она услышала, что проведет за решеткой еще десять лет, глаза ее вспыхнули, Никите даже показалось, что у жены сейчас начнется приступ буйства. Но нет, Вера сдержалась. Посмотрела на него со странной усмешкой, так, что он поспешил отвернуться. Тогда они виделись в последний раз. На свидания в колонию Никита не приезжал, а через пару лет подал на развод. И эта история с Верой закончилась. Кажется, бывшая жена грозила его наказать.

Он подошел к окну, посмотрел вниз на бесконечный поток машин и усмехнулся:

– Ну, попробуй.

Он не хотел знать, как она там и что с ней случилось. Как

Вера прожила эти десять лет. Только одно волновало Никиту: угрожает ли ему опасность с ее стороны? Собирается ли она мстить? Если так, то неплохо бы ее снова упрятать за решетку. Он сумел подставить Веру, когда еще был никем. Чего уж говорить о теперешнем господине Намине, защищенном и государством, и собственной службой безопасности, располагающем огромными деньгами и целым штатом профессионалов, дело которых охранять своего господина! Потому что Никита хорошо им платит.

Особенно этому, который вошел неслышно и, дожидаясь, пока хозяин обратит на него внимание, застыл, вытянувшись в струнку. Никита почувствовал присутствие в кабинете постороннего и обернулся:

– А... Юрий Васильевич... Ты уже здесь... Напомни-ка мне, что сегодня за день, – небрежно сказал он.

– Вера Алмазова выходит из заключения. Ваша бывшая же...

– Она мне никто, – жестко оборвал его Никита. – Запомни. Это был фиктивный брак. По-настоящему женой она мне никогда не была. Это упертая баба, напрочь лишенная женственности, с какими-то своими тараканами в голове. И я хочу знать, вылечилась она от этой болезни или все еще хочет меня наказать. И, соответственно, собираюсь принять меры.

– Я понял, – кивнул Белов, начальник службы безопасности. – Проследить от самых ворот колонии, где она отбывала срок, а когда приедет в Москву, контролировать каждый ее

шаг.

– Доложишь мне, как там и что. Усиль на всякий случай меры безопасности, особенно охрану моей жены и дочери.

– Сделаем, – кивнул Юрий Васильевич.

– Пока это все. Через недельку жду тебя с докладом. Да, и присмотришь к ней. В каком она настроении? Насколько опасна? Ты же профессионал! Я ее не боюсь, но, как говорится, береженого бог бережет.

– Понял. Разрешите идти?

– Иди.

Никита и в самом деле чувствовал себя абсолютно спокойно. Все под контролем. У Веры нет ни единого шанса, даже если она попытается что-нибудь против него предпринять. Жаль, что он не вспоминал о ней вплоть до сегодняшнего дня. Надо было сделать так, чтобы она вообще не вышла из тюрьмы. Но это ведь никогда не поздно исправить.

На этот раз белыми играет он, и именно он сделал первый ход. Она еще даже не вышла на свободу, а он уже принял меры. Выставил впереди себя надежную защиту, броню, которую бывшей жене ни за что не пробить.

Ах, Вера, Вера... Для тебя было бы лучше, если бы ты там, на зоне, умерла...

* * *

На перрон она шагнула последней и какое-то время стояла

в раздумье. Куда теперь? Город, который она когда-то завоевала, показался ей чужим и неласковым. Веру здесь никто не ждал, подружки давно уже перестали с ней общаться, кроме дородной доброй Василисы, которая в сорок лет второй раз выскочила замуж, познакомившись со своим избранником по инету, и уехала жить в деревню. Василиса была бы Вере искренне рада, а вот ее муж велел игнорировать уголовницу. Это, мол, плохо повлияет на его детей. Их у него трое, от первой жены, покойной, и Василиса только успевала крутиться, о своих же детях даже не мечтала. Приглашения от нее Вера так и не дождалась.

– Дамочка, носильщик не требуется?

Она очнулась. Домой, куда же еще!

– Нет, спасибо.

– Недорого возьму.

– Отвали, – грубо сказала она и посмотрела так, что навязчивый мужичонка мгновенно испарился. Вера прекрасно знала, *какой* у нее теперь взгляд. Только савана не хватает и косы в руках. А так, чем не Смерть? Худющая, щеки ввалились, на месте глаз – бездонные провалы. Да, зона никого не красит.

– Компанию не составите? – подмигнул симпатичный попутчик. Как заметила Вера, он тоже никуда не спешил.

– В смысле?

– Можем скинуться на такси.

– Нам в разные концы Москвы, – сухо сказала она.

– Вы так думаете? – он улыбнулся. – У меня гостиница заказана.

– И что?

– Если негде переночевать...

– Спасибо, я домой. – Она демонстративно отвернулась и зашагала к вокзалу, отмахнувшись от надоедливых носильщиков и таксистов. Вещей у нее не было.

Попутчик наконец отвязался. Веру его общество уже стало тяготить. У нее создалось впечатление, что всю дорогу он пытался установить с ней контакт, словно действуя по чьему-то указанию. Потому что «блондинчик», как презрительно окрестила его Вера, делал это весьма профессионально, используя разные способы, и тут же отступал, если она раздражалась.

Сначала он великодушно предложил Вере нижнюю полку, потом достал из кейса бутылку дорогого коньяка, а когда она отказалась от выпивки, тут же сказал, что и сам спиртное не жалуется. Так, время скоротать. Но лучше чайку.

Когда и чай их не сблизил, в ход пошла колода карт, потом вдруг выяснилось, что он тоже курит. Вера поспешила сказать, что с сегодняшнего дня бросает.

– И правильно! – с энтузиазмом подхватил попутчик. – Что хорошего в курении? Лично я за здоровый образ жизни, – подмигнул он.

Будь Вера помоложе и поглупее, она бы решила, что мужик ее клеит. Но она ясно видела свое отражение в зеркале

и видела его. Кто она и кто он? Нет, как женщина она его вряд ли интересуется. Тогда что? Неужели карточный шулер?

Но карты были забыты, едва она сказала, что хочет спать, и завалилась на верхнюю полку. Он тоже никуда не ушел, лег и, как показалось Вере, чего-то ждал. Она действительно уснула, а когда вышла ночью в коридор размяться, симпатичный попутчик попытался ее разговорить. Начал вдруг откровенничать, рассказывать, как его бросила жена, как он вынужден теперь мотаться по командировкам, чтобы выплачивать алименты и ипотечный кредит. Вера молча кивала. Потом не выдержала:

– В последнем купе едут симпатичные молоденькие подружки. Думаю, они вам лучшая компания, чем я.

– Они чем-то похожи на мою жену, – поморщился «блондинчик». – Такие же молодые и глупые.

– А вы слишком похожи на моего бывшего мужа. Такой же... – Она не договорила, резко развернулась и ушла.

– Вы что, обиделись? – спросил он, приоткрыв дверь в купе. И тут же вошел, не дожидаясь ее ответа. Уселся напротив, доверительно сказал: – Я и сам мечтаю наказать свою бывшую.

– Кто вам сказал, что я жажду мести? – усмехнулась Вера. – Что было, то прошло. Сама во всем виновата.

– И что вы теперь собираетесь делать? – осторожно спросил он.

– Жить, – пожала она плечами. – Просто жить.

Видимо, ответ его удовлетворил. Но в купе к подружкам он не пошел, хотя девицы то и дело сновали мимо, хихикая, когда Вера со своим соседом стояли у окна в коридоре. И, как показалось Алмазовой, та, что посимпатичнее, намеренно покачнулась и прижалась к красавчику налитой девичьей грудью:

– Ой, извините!

Он тут же отстранился и сделал безразличное лицо:

– Ничего, бывает.

Вера не стала задумываться о причине его монашества. Может, и в самом деле обет дал после скандального развода? Ей было о чем подумать. В Москве ее никто не ждал. Но у нее в столице есть дела, и требовалось собраться с мыслями, прежде чем приступить к активной деятельности. Отделавшись от навязчивого попутчика, она спустилась в метро и на всякий случай пару раз обернулась. За ней никто не шел.

«Показалось», – подумала она и тут же забыла о своем соседе по купе. Вере надо было заново привыкать к этому огромному суетливому городу. За десять лет в нем стало гораздо теснее, хотя сам он сделался намного больше. Москва росла, как раковая опухоль, и, казалось, старалась выпить из страны все соки. Сюда шли денежные потоки, здесь распределялись бюджетные средства, именно здесь молодежь мечтала поймать за хвост увертливую птицу удачи, поэтому поток свежего людского мяса в столицу не иссякал. Ежедневно двери московских вокзалов и аэропортов выплевыва-

ли на улицу толпы искателей счастья, которые растворялись в огромном городе, словно жалкие крупинки сахара в бассейне чая, который от этого ни на йоту не становился слаще. Приезжих легко можно было узнать по ошалевшим глазам и детскому любопытству, с которым они озирались по сторонам. Москвичей же отличало полное безразличие абсолютно ко всему.

– И сколько тут у вас теперь стоит билетик на метро? – спросил у Веры седеющий мужчина в отвратительном костюме. – Эх, целый год в столице не был!

Костюм его был мятым, видимо, владелец переоделся в поезде, чтобы не казаться хуже других. Утру, мол, нос этим москвачам! Эти его старания привели к тому, что за версту видно было провинциала. Вера заметила, как «модником» заинтересовалась парочка аферистов: мужчина и женщина с бегающими лживыми глазами. Сейчас будут разводить «на бабки».

Вера решила не вмешиваться.

– Не знаю, не местная, – сухо сказала она и шагнула к турникету. Каждый сам за себя.

«Лиц кавказской национальности», как заметила Вера, стало гораздо больше, и если раньше почти все гастарбайтеры были заняты работой, то теперь они празднично шатались по улицам, заполнили метро и вели себя как хозяева. В ближайшем Подмосковье выросли новые микрорайоны, которые тут же слились со столицей, на узких магистралях, не

предусмотренных для такого случая, образовывались огромные пробки. Людей и машин стало так много, что теснота повсюду была ужасающая. Когда-то и Вера мечтала покорить этот город, теперь же чувствовала себя здесь некомфортно.

«Я же москвичка», – вспомнила она. Ключей от квартиры у нее не было, она собиралась вызвать слесаря, чтобы взломать дверь. Можно, конечно, поехать сначала к маме, поискать там ключи и квитанции об оплате, но Вера боялась того, что там увидит. Хоронили маму родственники, они, наверное, хорошо похозяйничали в ее квартире.

«Зайду в ЖЭК, они должны меня помнить. Я все еще числюсь среди жильцов», – подумала Алмазова, подходя к знакомому дому. Пришлось ждать, когда кто-нибудь выйдет из подъезда, ключа от кодового замка у Веры тоже не было. За одиннадцать лет его, само собой, сменили.

Перед дверью ее квартиры был постелен незнакомый полосатый коврик. На лестничной клетке пахло жареной картошкой. Вера протянула руку и нажала на кнопку электрического звонка. Звонок был старый, его купила Вера, когда въезжала в эту квартиру. За дверью раздались неторопливые шаги.

– Кто там? – раздался грудной женский голос.

– Хозяйка, – сказала она, волнуясь. Кто бы это мог быть?

Кто живет в ее квартире?

Женщина, открывшая дверь, была Вере незнакома. Невысокая, грудастая, с длинными темными волосами и глазами,

похожими на блестящие черные бусины.

– Вы кто? – спросила она, явно не собираясь впускать Веру в квартиру.

– Хозяйка, я же сказала.

– Шутите? Хозяйку я знаю. А вас вижу в первый раз!

– Аналогично. Тем не менее хозяйка этой квартиры я. А вы что, ее снимаете?

– Да. Но я же видела документы! Мы подписывали договор в агентстве!

– И какова фамилия владелицы? Той, что сдала вам жилье внаем?

– Монахова Юлия Борисовна, – растерянно сказала женщина.

– Шутите? – настал Верин черед удивиться. Юлия Монахова была ее двоюродной сестрой. Последний раз они виделись четверть века назад.

– Если вы не уйдете, я полицию позову!

Вера невольно усмехнулась. Все меняется. Раньше была милиция, теперь полиция. Но суть вещей от этого не меняется. У нее, у Веры, даже паспорта нет. Только справка об освобождении из колонии строгого режима. И что теперь делать?

– Вы не дадите мне телефон моей родственницы?

– Юлия ваша родственница? – удивилась женщина.

– Двоюродная сестра.

– Вы так не похожи, – засомневалась квартиросъемщица,

но потом сжалилась: – Ну, хорошо. Я продиктую вам номер телефона, звоните.

Мобильником Вера разжиться уже успела. Грудастая женщина сочувственно смотрела на дешевенький аппарат и была права: Вера купила его с рук. Телефон наверняка был ворованный, а симка кривая. Разумеется, Вера купила ее без паспорта, тоже с рук. Скоро в трубке раздался визгливый женский голос:

– Алло?

– Юлия, это ты?

– С кем я говорю?

– Это Вера.

– Какая Вера?

– Вера Алмазова, твоя двоюродная сестра. Я сейчас стою у двери в свою квартиру и не могу туда войти. Ты можешь мне объяснить, что происходит?

– Что происходит? – двоюродная сестра на мгновение растерялась, а потом заговорила так агрессивно, что Вера ушам своим не поверила: – А что ты хотела?! Кто ж знал, что ты вернешься из тюрьмы?!

– Но мне же не пожизненное дали!

– Да мы все были уверены, что ты там, на зоне, сдохнешь!

– Как ты оказалась владелицей моей квартиры?

– Не твое дело!

– Как это не мое?!

– Все законно! – продолжала кричать двоюродная сест-

ра. – Ты уголовница, а я порядочная женщина! Законопослушная гражданка!

– А где я, по-твоему, должна жить?

– А мне какое дело?

– Мамину квартиру тоже сдали?

– Продали!

– Что?!

– Что слышала! Все законно!

– Но как тебе удалось оформить на себя наследство?

– Я ближайшая родственница!

– А я тогда кто?

– Ты никто!

– Могу я взглянуть на документы?

– Какие еще документы?! – взвизгнула сестра.

– Я буду с тобой судиться.

– Что ты будешь делать?! – Юля расхохоталась.

– Ладно, увидимся еще, – сквозь зубы сказала Вера и дала отбой.

Брюнетка слушала их разговор с интересом.

– Но я видела документы на квартиру, – сказала она словно оправдываясь. – Я деньги заплатила. И комиссионные агентству.

– Вы здесь ни при чем, – с досадой произнесла Вера.

– Извините, но я не могу вас впустить. И переночевать предложить не могу. У меня дети, муж. Он скоро вернется с работы.

– Понимаю.

– Я вас совсем не знаю. – Женщина все никак не могла решиться закрыть дверь.

Вера молча развернулась и пошла к лифту. Ее никто не окликнул и не остановил. Что ж, это Москва. Каждый сам за себя.

«Что теперь?» – думала она, стоя у подъезда и доставая из пачки сигарету. Бросить курить не получалось. Вера посмотрела на часы. В гостиницу вряд ли пустят. С ее-то «документами»? Друзей нет, родственники поспешили приватизировать Верино имущество, понадеявшись, что с зоны она не вернется. Черных риелторов и ушлых нотариусов, стряпающих поддельные доверенности, в Москве полным-полно. Веру наверняка уже вычеркнули из списка живых. «Что теперь?» – вновь подумала она.

Ночевать ей пришлось на вокзале.

– Я жду электричку, – сказала она патрулю.

– И куда путь держим? – важно спросил сероглазый парнишка в новенькой форме, возвращая Вере помятую справку.

– В Шаховскую. К знакомым.

– И чем планируем там заняться?

– Это я скажу участковому, когда приду вставать на учет.

– Только не забудьте доложиться, гражданочка, – с усмешкой сказал парнишка и, прежде чем уйти, добавил: – И учтите, я вас запомнил.

Итак, на вокзале пожить хоть какое-то время, пока все не разъяснится с квартирой, не удастся. Если внешность у Веры и неприметная, то справочка что надо. А парнишка, похоже, неплохо знает Уголовный кодекс. Что ж, стоит попытаться удачу у Таниной мамы. Вера не стала тянуть. Едва дождавшись утра, она села на первую же электричку до Шаховской, благо путь был долгим: три часа в вагоне, под конец почти пустом. Вера ехала в неизвестность. Как-то ее встретят? И что она будет делать, если Танина мама окажется выжившей из ума старухой?

Алмазова так и подумала, когда за дверью раздались шаркающие шаги. Вера, волнуясь, замерла...

Город оказался маленьким, бедным, но чистеньким и уютным. С одной стороны прижатый к железной дороге, с другой – к федеральной трассе, он вытянулся, словно стойкий оловянный солдатик, вдоль этих двух главных артерий, питающих его и дающих полноценную жизнь. На главной площади даже бил фонтан! Пока здесь было пусто, но Вера была уверена, что это излюбленное место для прогулок у местных жителей, особенно мамочек с детишками.

В летнее время здесь наблюдался наплыв дачников, что позволяло местным неплохо заработать. Благодаря этому жизнь в городе кипела, особенно в выходные, когда по главной улице раскатывали шикарные иномарки, а цены на местном рынке кусались. Летом в Москве можно дешевле прожить, чем в пригороде, который весь застроен дачными по-

селками. Даже так далеко от столицы, на самой окраине области, желающих провести лето на природе было полно. Вера подумала, что осенью жизнь в городке замирает, становится уныло и пусто, особенно когда зарядят дожди. Но развивать эту печальную мысль не хотелось. Когда еще наступит осень? И где тогда будет она, Вера?

Она шла по центральной улице вдоль железнодорожного полотна, выпрашивая прохожих: как пройти туда-то? Местные оказались словоохотливыми и не такими пугливыми и подозрительными, как в столице. Какая-то женщина с понимающей улыбкой показала: налево! Вера свернула на указанную улочку, где в тени деревьев прятались дома, в основном пятиэтажки. В уютных двориках на лавочках томились пенсионеры, стараясь спрятаться в густой тени, в песочницах ковырялись дети. Нужный дом Вера нашла без труда. Заблудиться тут было трудно.

Танина мама на лавочке не сидела. Соседи и их сплетни ее, похоже, не интересовали. Клавдия Ивановна Афанасьева смотрела на стоящую на пороге ее квартиры женщину молча, видимо, ждала, когда гостя сама представится.

«Сумасшедшая, – с тоской подумала Вера. – И немудрено! После всего, что она пережила! И как же мне выполнить данное Танечке обещание? Сейчас меня, скорее всего, пошлют».

Но она все же сказала:

– Я от Германа.

– Заходите, – неожиданно услышала Вера, хотя на лице у пожилой женщины не отразилось никаких эмоций.

Вера поколебалась немного и вошла. Выбора у нее не было.

* * *

– На перрон она шагнула последней, – докладывал боссу начальник службы безопасности. – Похоже, в Москве ее никто не ждал.

– Как она? – настороженно спросил Никита.

– Что именно вас интересует?

– Как выглядит?

Юрий Васильевич молча выложил на стол пачку фотографий. Никита нетерпеливо схватил их и стал перебирать.

– Это Вера? – удивленно спросил он, задержав взгляд на последнем снимке. Бывшая жена стояла на платформе и курила.

– А что вас удивляет? – Белов не проявил никак эмоций.

– Она выглядит как... – Никита запнулся.

– Как женщина, проведшая больше десяти лет в заключении.

– Но она же старуха! – Никита вновь принялся перебирать снимки. – И она не курит.

– Теперь курит, – все так же ровно сказал Юрий Васильевич.

– Она и раньше не была красавицей, а теперь... Бомжиха какая-то. И старуха, – повторил Никита. – Хорошо, а каково ее настроение? Собирается она мне мстить?

– Всю дорогу с ней ехал мой сотрудник, – принялся докладывать начальник службы безопасности. – Я намеренно выбрал парня, внешне похожего на вас. Нам удалось достать билет в то же купе и сделать так, чтобы туда никого не подсадили. Правда, обошлось это в копеечку...

– Представишь отчет в бухгалтерию, – нетерпеливо перебил Никита. – Я все оплачу. Плюс командировочные твоему сотруднику. Как Вера?

– Я внимательно прослушал записи их разговоров. И не один раз. Береженого бог бережет, правильно вы сказали. Поэтому я старался не пропустить ни слова. Паша весьма профессионально пытался ее раскрутить. Использовал все способы: спиртное, комплименты, доверительные разговоры, даже карты. Что-нибудь должно было ее пробить, поскольку дорога дальняя. Она не прореагировала. Никак. Ни на что. Хотя, повторяю, он очень на вас похож. Женщинам, как правило, всю жизнь нравится один тип мужчины. Если Вера Алмазова когда-то запала на вас...

– То и на него, по-твоему, должна была запасть, – усмехнулся Никита. – И он бы с ней переспал?

– Если это надо для дела... – пожал плечами Юрий Васильевич. – Но мужчины ее, похоже, больше не интересуют.

– Хочешь сказать, что там, в колонии, она стала лесбиян-

кой?

– Этого я пока не знаю.

– Хорошо, продолжай. О чем они говорили?

– Понемногу обо всем. Ваша бывшая же... Вера Александровна была не очень разговорчивой. Он пробовал по-всякому. Она держалась ровно, на откровенность не шла, на жизнь не жаловалась, хотя вид у нее был измученный и усталый.

– Я вижу. – Никита кивнул на снимки, которые веером лежали на столе. – Тема мести затрагивалась?

– А как же? Мы сочинили легенду. Придумали похожую историю, только с девочкой вместо мальчика. Стерва жена заставляет платить алименты плюс ипотечный кредит. Вера Александровна должна была среагировать.

– Упасть ему на шею и разрыдаться?

– А почему нет? Она десять лет была лишена мужской ласки, а тут и хороший коньяк, и симпатичный парень, который откровенно себя предлагает.

– Так почему все пошло не так, как вы планировали?

– Я думаю, она морально сломлена. Ее никто и ничто не интересует. Она сказала, что во всем виновата сама и мстить никому не собирается.

– Вера так сказала?!

– Поверьте, Никита Борисович, я в своей области профессионал. Если бы она лукавила или скрывала свои истинные намерения, я бы это почувствовал.

– А ты что – детектор лжи? Извини, Юрий Васильевич, не

хотел тебя обидеть.

– Я понимаю, что вы волнуетесь. Вере Александровне терять нечего. Но, поверьте, у нее сейчас и кроме вас забот хватает. Когда парень отработал свой номер, мы его заменили другим. Чтобы не вызывать у нее подозрений. Поехать с Пашей в гостиницу Вера Александровна категорически отказалась, даже такси взять в складчину не пожелала. Спустилась в метро. Там к ней приклеился наш человек и проследил до самого ее дома. Она пробыла у себя недолго. Потом мы выяснили, что ее квартиру оформила на себя двоюродная сестра.

– Каким образом?

– Судя по всему, по липовой доверенности.

– Следовательно, Вере даже жить негде?

– Я же говорю вам, что у нее хватает проблем.

– Я помню эту квартиру, – нахмурился Никита.

Он прожил там когда-то пару дней, сразу после того, как расписался с Верой. Это было нужно для дела. А как только она сделала все, что Никита от нее хотел, он тут же съехал. Как женщина Вера никогда его не интересовала, у него были совсем другие вкусы. Что касается квартиры... Квартира была хорошая. Готовясь к замужеству, Вера отгрохала там шикарный ремонт. Никиту, живущего в Москве на птичьих правах, это впечатлило. Тогда он посчитал это роскошью и подумал: «Чтоб я так жил!» Но так, как он живет сейчас, Вере и не мечталось. Все познается в сравнении. Он

взлетел гораздо выше той вершины, с которой упала она. Потому что он мужчина. Он умнее, предприимчивее и, в отличие от нее, не поддается эмоциям. Любовь делает человека уязвимым. Это самая сильная из эмоций, справиться с ней непросто. Вера не справилась...

Начальник службы безопасности деликатно кашлянул:

– О чем задумались, Никита Борисович?

– Так. Вспомнил прошлое. И где Вера ночевала?

– На вокзале.

– Вера ночевала на вокзале?! Да, совсем плохи у нее дела.

– Они даже хуже, чем вы можете себе представить. На вокзале ею заинтересовался полицейский патруль. Рано утром Вере Александровне пришлось сесть в дальнюю электричку.

– И куда она поехала?

– К матери своей подруги, с которой Алмазова близко сошлась в колонии. Татьяна Афанасьева умерла в тюремной больнице. Но до этого они с Верой очень сдружились. Афанасьева тоже сидела за убийство. Она застрелила своего сожителя после того, как тот обманул ее и обобрал. Суд дал ей пятнадцать лет, несмотря на смягчающие обстоятельства.

– А Вере десять, несмотря на отягчающие, – пробормотал Никита. Он словно забыл, что его бывшая жена на самом деле никого не убивала.

– Это стоило Вере Александровне всех ее денег, – напомнил Юрий Васильевич. Он не знал, как на самом деле обстояли дела. Или делал вид, что не знает. Никиту это устраива-

ло. Кто без греха? У него в сейфе на всякий случай лежала папочка, а в ней – компромат на бывшего фээсбэшника, которому Никита доверил себя охранять. Береженого бог бережет.

– Если хотите, я расскажу вам эту историю, – вызвался Белов.

– Какую историю?

– За что именно получила пятнадцать лет Татьяна Афанасьева.

– Не интересуется, – поморщился Никита. – Тем более, ты говоришь, она умерла.

– Да.

– А Вера, значит, поехала к ее матери?

– Судя по всему, больше некуда было. Старуху Афанасьеву все называют сумасшедшей. Она ни с кем не общается, почти безвылазно сидит дома. Других детей у нее нет, внуков тоже. Вообще никого.

– Она приняла Веру?

– Да. Но такая жизнь хуже смерти, поверьте. Наблюдение ведется в течение нескольких дней, Вера Александровна один раз спустилась в магазин, три раза выбросила мусорное ведро и дошла до ближайшей аптеки. Один раз, – тихо добавил Юрий Васильевич.

– И что ты обо всем этом думаешь?

– А что тут думать? Если вы по-прежнему желаете тратить на это деньги...

– Следить, как две старухи по очереди выбрасывают мусорное ведро? – хмыкнул Никита.

– Вот и я так думаю.

– Давай вот что сделаем... Сейчас ты наблюдение снимаешь. А через месяц... Мы сделаем проверочку: как там Вера поживает? Ее надо держать на контроле.

– Под колпаком?

– Да. Годок-другой, а там, я думаю, мы от нее избавимся. Я хочу, чтобы моя бывшая жена опять угодила за решетку, и на этот раз навсегда, – твердо сказал Никита. – Я хочу, чтобы она там, на зоне, умерла.

– Вы ее так ненавидите? – тихо спросил Юрий Васильевич.

– Ненавижу? – Никита чуть не расхохотался. – Я десять лет вообще не вспоминал о ее существовании. Мне безразлично, есть она или нет, больна или здорова, свободна или замужем. Я просто не хочу ее больше видеть. Не хочу случайно столкнуться с ней на улице. Не хочу, чтобы с ней, так же случайно, столкнулась моя жена. Всякое общение между нами исключается. На это мне никаких денег не жалко.

– Я понял, – кивнул Юрий Васильевич. – Жучки в квартире Афанасьевой поставить?

– А смысл?

– Не вижу в этом никакого смысла. Фирма большая, работы много, расходы растут. Я регулярно занимаюсь прослушкой наших сотрудников, дорога Алмазовой в Москву отняла

у меня уйму времени. Я выбился из графика. Ее разговоры с безумной старухой...

– Я понял, – нетерпеливо перебил Никита. – Никому не интересно. У меня тоже нет на это времени. Если ты считаешь, что Вера не опасна...

– У нее ничего нет. Ни денег, ни жилья, ни родственников, ни друзей. Никого. Чем она может вам угрожать? У охраны на въезде в поселок, где вы живете, есть ее фото. Весь периметр вашего участка под наблюдением. За ворота мышь не проскочит. В московской квартире тоже охрана. Консьерж – бывший сотрудник спецслужб. Если хотите, к вам тоже поставим охранника.

– Не перегибай, – поморщился Никита. – Не представляю, чтобы Вера бросилась на меня с ножом. Не ее метод. Хотя она, конечно, сильно изменилась. – Он опять взял в руки фотографию бывшей жены. Ту, где она стояла на перроне и курила. Нет, это не Вера!

– Я думаю, оставить ее на месяц в покое разумно, Никита Борисович. А потом проверить, как и чем она дышит. За месяц ничего не изменится.

– Не изменится, – эхом откликнулся Никита. – Ну, все, Юрий Васильевич. Давай работать. Эта женщина и так отняла у нас много времени. Слишком много, – подчеркнул он. И словно в ответ на его слова зазвонил телефон.

– Никита Борисович, вы просили в течение получаса ни с кем не соединять, – извинительно сказала Ира. – Но пол-

часа уже прошло.

– Я освободился. Кто там ко мне рвется? – И Никита кивком дал понять начальнику службы безопасности, что тот свободен.

Рабочий день продолжался. Бизнес вяло, но все-таки шел, несмотря на традиционное летнее затишье.

Зато Никита предвкушал чудесный вечер в кругу семьи, восхитительный ужин, бокал великолепного вина и еще массу всяких удовольствий. Загорелое стройное тело жены, ее гладкая, без единого изъяна кожа, пахнущая какими-то редкими духами, название которых он все никак не мог запомнить, будили его сексуальный аппетит. Таша никогда не отказывала в близости, и Никита с удовольствием, как истинный гурман, лакомился ее прелестями, сладко думая о том, сколько же мужчин ему завидует. Он сам себе иногда завидовал, своей удачливости и предприимчивости, умению выбирать все самое лучшее из того, что есть в меню.

Его жизнь давно уже встала на рельсы и катилась по ним, встречая повсюду лишь зеленый свет. Причем господин Намин ехал в вагоне повышенной комфортности, да с такими рессорами, чтобы на ухабах не трясло. И Веру к этому пути, по которому едут лишь избранные, и на пушечный выстрел не подпустят. Старуха, да еще бомжиха, со справкой вместо паспорта. Нищая старуха с усталыми глазами и вялым ртом, уголки которого скорбно опущены.

Никита сгреб со стола Верины фото и засунул их в одну

из папок, которую поставил на стеллаж среди прочих таких же. Отработанный материал.

Прощай, Вера! Тебе не повезло, но ты сама во всем виновата! И хорошо, что ты это понимаешь!

* * *

Солнечный свет не беспокоил, потому что во дворе дома росли огромные деревья. Тополя, кажется. Или березы? Вера поймала себя на мысли, что позабыла и эти деревья, и их название, и то, что ими так любят обсаживать уютные улочки провинциальных городов. Она сама родилась в таком вот маленьком городе, а теперь забыла об этом. Двор был похож на колодец, прохладный, глубокий, из окна первого этажа Вера не видела неба, только редкие солнечные лучи, пробивающиеся сквозь густую листву. По ним она могла догадываться, что погода сегодня отличная: дождя нет.

День выдался жарким, но здесь, в этой хрущобе, похожей на медвежью берлогу, было прохладно и сумеречно. Огромные деревья затеняли солнечный свет, на стенах в крохотной кухне, выкрашенных зеленой масляной краской, виднелись капельки воды. Казалось, сами стены этой квартиры плачут. Хотя глаза ее владелицы были абсолютно сухими.

Вчера они почти не говорили. Вера безумно устала, она хотела лишь одного: выспаться. Долго объяснять, кто она такая, не пришлось.

– Алмазова, знаю, – кивнула Танина мама. – Дочь мне писала. Располагайтесь в маленькой комнате и отдыхайте. Я вас не побеспокою.

Никаких ахов-вздохов и никаких слез. Хотя Вера была готова к истерике и бесконечному потоку воспоминаний: «Моя бедная Танечка, когда она была маленькой...» Ради возможности воспользоваться этой перевалочной базой, чтобы отдохнуть и прийти в чувство, Вера приготовилась терпеть.

Но терпеть ей не пришлось. Она, к своему удивлению, сладко уснула и проспала почти до полудня. Потому что солнечный свет не беспокоил и не докучала жара. Когда Вера вышла в большую комнату, Танина мама сидела в старом кресле с облупленными ручками перед телевизором. Звук был выключен, пожилая женщина безучастно смотрела, как миловидная дикторша на экране шевелит губами.

«Как же мне будет тяжело, – с тоской подумала Вера. – Она, похоже, сумасшедшая».

Вера понятия не имела, как приступить к делу. О Клавдии Ивановне она знала все и ничего. Подробности биографии и даже страшную семейную тайну. И не представляла, как Танина мама прореагирует на просьбу нежданной и незваной гостьи. Точнее, на последнюю волю своей покойной дочери, ее завещание, письменных доказательств существования коего не существует.

– Я схожу в магазин? – спросила Вера.

Клавдия Ивановна безучастно кивнула.

– В аптеку зайти? – на всякий случай поинтересовалась гостя. Пожилые люди постоянно от чего-нибудь лечатся. Это, собственно, и есть их основное занятие после выхода на пенсию. Поэтому люди деятельные на заслуженный отдых не спешат: закончится работа – начнутся болезни. Таниной маме, уже лет десять как безвылазно сидящей дома, недавно исполнилось шестьдесят пять. Вера была ровно на двадцать лет моложе, хотя, поставь их рядом, никто бы этого не сказал. Они выглядели почти как ровесницы.

Клавдия Ивановна встала и молча протянула Вере рецепт.

– Деньги у меня есть, – поспешно сказала Алмазова и вышла из этой заплаканной сумеречной квартиры в загаженный бомжами и животными подъезд.

«Надо бы мусорное ведро выбросить», – подумала Вера, почувствовав вонь. Всего лишь напоминание о такой же вонючке, от которой, в отличие от этой, можно избавиться. Никакой брезгливости. Люди очень быстро приспосабливаются к новым условиям: то, что еще вчера казалось абсолютно неприемлемым, при иных обстоятельствах воспринимается – как норма жизни. Остается лишь сожаление о том, что прежняя жизнь не ценилась по достоинству.

«И чего мне не хватало?» – не раз с тоской думала Вера, глядя в крохотное зарешеченное окошко на кусочек синего неба. Оставалось надеяться, что Никита получил по заслугам.

Вернувшись в квартиру, она почувствовала запах еды. Та-

нина мама разогрела щи и пожарила картошку. Они уселись за стол.

– Почему вы не удивились, когда я сказала, что пришла от Германа? – решила наконец Вера.

– Я давно уже ничему не удивляюсь.

– Вы осуждаете свою дочь? К вам здесь, должно быть, ужасно относятся.

– Моя дочь совершила преступление не здесь, а в Москве. С одной стороны, это хуже, потому что родилось огромное количество слухов. Многие из них просто чушь. Но народ верит.

– Наш народ верит во все, – осторожно сказала Вера. – А другая сторона медали хорошая?

Всю свою жизнь Клавдия Ивановна проработала учителем словесности в местной средней школе. Афанасьева-старшая пришла туда сразу после педучилища, институт окончила заочно, чтобы не расставаться надолго со своими учениками. После того как дочь осудили за убийство, Клавдия Ивановна вышла на пенсию и заперлась в четырех стенах. Она была в городе уважаемым человеком до того, как это случилось. И вот вам, пожалуйста! Чужих детей учит разумному, доброму, вечному, а сама уголовницу вырастила! Вера прекрасно все понимала, поэтому хозяйку квартиры старалась не раздражать.

– Хорошая сторона? – переспросила Клавдия Ивановна. – Что ж, есть и хорошая. Никто ничего толком не знает. Нет

свидетелей, опять же, только слухи и сплетни. Ну, и еще газеты. Об этом много писали.

– Да, тема популярная и довольно избитая, – кивнула Вера. – Молоденький смазливый альфонс обирает влюбленную в него сотрудницу банка, подбив ее на должностное преступление. Послушайте, Клавдия Ивановна, я знаю все. Ваша дочь понимала, что она умирает...

– А... Так вы за деньгами пришли...

Танина мать тут же встала и ушла в соседнюю комнату. Минут через пять она вышла оттуда, держа в руках две тяжелые сумки. Вера машинально отметила, что в таких вот клетчатых сумках «челноки» возят свой товар по рынкам. Клавдия Ивановна поставила сумки на пол и равнодушно сказала:

– Берите.

– Послушайте... – растерялась Вера. – Это же огромные деньги...

– Это не мои деньги.

– Но ваша дочь...

– Моя дочь их украла, – оборвала ее Клавдия Ивановна. – И это не принесло ей счастья.

– Но вы могли бы воспользоваться...

Пожилая женщина посмотрела на нее с недоумением.

– Вы живете в такой бедности, – Вера кивнула на плачущие стены. – Вам необходимо хорошее питание, лекарства наконец.

– А зачем мне жить? У меня нет ни детей, ни внуков.

Всю жизнь я искупаю грех, который совершила по молодости и глупости.

– Вот и Таня так сказала, – кивнула Вера. – Мол, я расплачиваюсь за мамин грех. Я знаю: вы оставили ребенка в роддоме. Сына. Вы хотели назвать его Германом. Но при чем здесь Таня? Вы, похоже, запрограммировали ее раннюю смерть. С детства внушали ей, что грехи отцов непременно падут на их детей.

– Мне не надо было ее рожать, – горько сказала Клавдия Ивановна. – Ладно бы от мужа, а то так, для себя. Еще один грех.

– Вы вырастили замечательную дочь. Просто ей не повезло.

– Не повезло? – Афанасьева издала что-то похожее на смешок. – Не повезло, что обворовала своих работодателей и убила любовника?

– Она не понимала, что делает. А когда очнулась, было уже поздно. Она осознала весь ужас того, что совершила, и очень страдала, поверьте. Таня была хорошим человеком. Порядочным, искренним. Ей было так больно и стыдно, что она заболела. Никто не понимал, отчего Танечка умирает! Молодая ведь еще женщина, зона, конечно, не лучшее место, но и там люди живут. И есть какая-никакая медицина. У меня к тому времени уже имелось определенное влияние, я легко могла достать деньги, смягчить условия заключения для Татьяны. Но она отказалась. Точно так же, как вы сей-

час, сказала: «А зачем мне жить?» Но она же не виновата.

– В том, что убила?

– Но вы, возможно, не знаете всех обстоятельств...

– Все, кто попал за решетку, себя оправдывают, – сухо сказала Клавдия Ивановна. – Вот вы, Вера, – она впервые назвала гостью по имени, – справедливо получили тюремный срок?

– Нет, я не убивала.

– Вот видите.

– Но это правда!

– Правда у каждого своя. Доказательства у вас есть?

– Нет. Раз меня осудили.

Клавдия Ивановна посмотрела на Веру с усмешкой:

– И вы, разумеется, ни в чем не виноваты?

– Отчего же? Виновата. Как и Таня, в том, что полюбила.

Да на зоне добрая половина таких! Несчастных баб, которые поверили в сказку о любви и дали себя использовать. Вы-то чем лучше? – не удержалась Вера. – Разве что на возраст сделать скидку. Татьяна отчаянно влюбилась в двадцать пять, я так вообще в тридцать пять, а вас любовь настигла в семнадцать. Правильно я понимаю?

– Берите деньги и уходите, – Клавдия Ивановна взглядом указала на сумки.

– И вы даже не хотите услышать последнюю волю вашей единственной дочери?

– Купить мне замок во Франции? – усмехнулась Афана-

сьева.

– Ну, на замок тут не хватит, – сказала Вера с сожалением. – Как я понимаю, тут около миллиона долларов?

– Я их не считала, – равнодушно ответила Клавдия Ивановна.

– Вы хотите сказать, что за все десять лет ни разу не заглянули в сумки? Не вытащили оттуда хотя бы пару купюр?

– Чтобы все знали, куда на самом деле делись деньги?

– Разумно, – похвалила Вера. – Но срок давности давно истек. И ваша дочь умерла. Давно уже можно было воспользоваться.

– А зачем? У меня все есть, – пожала плечами Афанасьева. – Из дома я почти не выхожу. Незачем. Доживаю свой век, чтобы не совершить еще один тяжкий грех: самоубийство. Жду, когда Господь меня приберет.

– Извините, но я атеистка.

– Безбожница, значит. Ну-ну.

– Ваша дочь не хотела, чтобы я купила вам замок во Франции, – тихо сказала Вера. – Она хотела, чтобы я вернула вам семью.

Клавдия Ивановна посмотрела на нее с удивлением:

– Как такое возможно?

– Ваш сын... которого вы оставили в роддоме. Таня хотела, чтобы я его нашла, воспользовавшись этими деньгами, – Вера кивнула на сумки.

– Вы соображаете, что говорите? – нахмурилась Афана-

сьева. – Даже если он жив, ему сейчас пятьдесят!

– Сорок восемь, – уточнила Вера.

– Он уже, должно быть, дедушка!

– Вот я и говорю: семью.

– Нет. Я не могу.

– Бойтесь ему в глаза посмотреть? К этому моменту он уже столько сам нагрешил, что ваш грех легко простит. Тем более с такими деньгами. – Теперь они одновременно посмотрели на сумки.

– Я не могу, – повторила Клавдия Ивановна. – Это еще хуже, чем покупать яхты и виллы: покупать семью.

– Воля ваша. Но запрос я все-таки сделаю. Хотя бы ради Тани.

– Почему она выбрала вас?

– У нас похожие истории. Вся разница лишь в том, что она на десять лет моложе. Так же, как я, Таня сама себя сделала. Школу окончила с золотой медалью, институт с красным дипломом. Устроилась на работу в банк, стала быстро продвигаться по служебной лестнице. От секретаря до начальника отдела. В двадцать пять уже имела все: квартиру в Москве, банк оформил ипотечный кредит, машину, опять же в кредит, хорошую зарплату, бонусы. Ответственная, порядочная, исполнительная. Вся беда – некрасивая. Не уродка, но мужчинам почему-то не нравилась. Может, потому, что ответственная и исполнительная? – горько сказала Вера. – Женщина-карьеристка. Именно на таких чересчур порядочных все-

гда находится смазливый негодяй. И делать-то особенно ничего не надо. Пара комплиментов, паршивый букет цветов, романтическое свидание в какой-нибудь дешевой забегаловке, а потом: «Если ты мне не поможешь, я продам свою почку».

– Но она же могла это проверить.

– Что? Свои чувства? Думаете, женщина думает головой, когда влюблена? Она думает сердцем. Неважно, на что он попросил денег. Таня перевела ему по липовым платежным поручениям больше миллиона долларов. Ограбила своих клиентов. Подделала их подписи. Ей ведь безоговорочно доверяли. Обман быстро раскрыли, но ее любовник денежки уже обналичил и скрылся с ними. Его мобильник тут же перестал отвечать.

– Убивать-то зачем?

– Ага! Она в тюрьме в общей камере, больная, полуголодная, а он на воле с миллионом долларов, в обнимку с какой-нибудь безмозглой моделькой! Купается в синем море, пьет коктейли и готовится кинуть еще одну влюбленную дурочку. Схема-то отработана. Ваша дочь умница. Она его нашла еще до того, как нашли ее. Он выложил фото в «Одноклассниках»: я со своей девушкой круто гуляю в Сочи. Беспечность поразительная! В кадр попало название отеля. Тане терять было нечего. На суде сказали, что ее побег – этоотягчающее обстоятельство. Надо, мол, было явиться с повинной и во всем признаться. Но Таня не могла простить се-

бе, что она, такая умница, стала жертвой откровенного дурака. Он ведь тут же со всеми деньгами и первой же попавшейся смазливой девчонкой укатил на юг, «сливать бабло». Которое Таня нашла там же, в гостиничном номере, в обычных сумках. Не в ячейке банка, не на другом счете, не спрятанными так, чтобы никто не нашел. Ее поразили наглость и беспечность этих двоих. Она, Татьяна Афанасьева, лучшая студентка на курсе, доверенное лицо генерального директора крупного банка, пустила под откос свою жизнь и карьеру ради того, чтобы какой-то мальчишка, смазливый и тупой, совал столларовые купюры в лифчик стриптизершам и раскатывал по курортному городу на «Порше»! Который наверняка бы разбил, потому что ездил бы обкуренным или в доску пьяным. Слава богу, «Порше» он купить не успел. Потратил какие-то сто тысяч долларов, копейки!

– Надо было вернуть деньги, – упрямо сказала Клавдия Ивановна.

– Вы шутите? – удивленно посмотрела на нее Вера. – Кому? Банку?

– В милиции разобрались бы.

– По телевизору часто показывают конфискованные деньги, все эти пачки банкнот. Называют астрономические суммы. Вы когда-нибудь что-нибудь слышали о судьбе этих денег? Мол, на пять миллионов долларов, изъятых при обыске у такого-то, построен приют для бездомных собак. А деньги такого-то проворовавшегося чиновника направили в Пенси-

онный фонд. Как говорится, что с воза упало, то пропало. Сумму, украденную Татьяной, с баланса уже списали. Если рассказать вам, как работают банки, так вы вообще спать перестанете. Что такое для них миллион долларов? Жалкие гроши! Да зарплаты и откаты топ-менеджеров в разы больше! Поделили бы меж собой, пирушку бы закатили с выездом за границу, в пятизвездочный отель. Списали бы на представительские расходы.

– Но Таня обокрала клиентов банка!

– Им все вернули. По суду. Раньше бы этого все равно не случилось, поверьте. Банк не обеднел.

– Но как так получилось, что деньги не нашли? И Таня смогла забрать их себе?

– А у дочери вы не спрашивали? – осторожно поинтересовалась Вера.

– Я не хотела знать подробности. Она приехала явно не в себе, сказала, что убила человека и скоро сядет в тюрьму, надолго. «Лучше, чтобы меня не отсюда забрали», – добавила она. И еще: «Ты ничего не знаешь». Села в машину и уехала в Москву. Я только спросила: что в сумках? Она сказала: деньги. Сумму не назвала.

– Она ведь ночью приезжала?

– Да, – кивнула Клавдия Ивановна.

– Прямо с юга. Гнала без остановки, без сна, почти сутки. Возможно, ее никто не видел. А если и видел, то не побегал в милицию докладывать. Приезжала дочь попрощаться

с матерью, что тут такого? По счастливой случайности девчонка, что была с тем парнем, которого застрелила Татьяна, исчезла. Ее объявили в розыск, но так и не нашли. Она, скорее всего, смертельно испугалась. Ее не было в номере, когда туда пришла Таня. Представляете: возвращается человек с массажа, весь такой расслабленный, мозги улетели, и видит залитый кровью номер, разбросанные вещи, криминальный труп. Девчонка сочла, что ей лучше исчезнуть. Видать, опыт в таких делах имела, она никогда не спрашивала у своих любовников, откуда у них деньги, и была готова ко всему. Такие живут одним днем. Яркие бабочки, летящие на огонь, они никогда не задумываются о том, что будет с ними завтра. Наверняка наркотиками баловалась. Собрала вещички и исчезла. А там кто знает? Криминальных элементов на юге полно. Убили, продали в подпольный бордель, за границу переправили. Таня же сказала следователю, что никаких денег в номере не нашла. Она, мол, вообще ничего не знает об их судьбе. Перевела на указанный счет – и все.

– Я не была на суде. Болела.

– Да, я знаю, что вы лежали в больнице, – кивнула Вера.

– Вы тоже убили из-за любви? Потому что вас обманули?

– По большому счету я сама во всем виновата. Я заставила его жениться на себе, и он отомстил. Воспользовался ситуацией. У меня другой случай, Клавдия Ивановна: Танин парень оказался слишком глупым, а мой слишком умным. Я его недооценила и проиграла партию, находясь в более вы-

игрышном положении. Можно сказать, я играла белыми.

– Вы что – шахматистка?

– Любительница. Чемпионка школы, но не больше. Я пыталась убить человека, которому Никита был должен крупную сумму денег, чтобы его подставить. И таким образом повязать по рукам и ногам. Но муж меня опередил. Убил и подставил меня. Сказал, что я это сделала, и сумел доказать. В шахматах это называется рокировка.

– И что вы собираетесь делать?

– Посмотрю, как он себя чувствует, – пожала плечами Вера. – Пошло ли это ему на пользу? Если да, то Бога нет. И справедливости нет.

– Зачем же так-то, – осуждающе покачала головой Клавдия Ивановна.

– А как? Не скрою, мне нужны деньги для исполнения моего замысла. Планов пока никаких, и особого желания мстить бывшему мужу нет тоже. Но пока я не подчищу хвосты, я не могу начать новую жизнь. Все должно быть по справедливости.

– Возьмите деньги. Таня хотела, чтобы вы это сделали.

– Возьму, – кивнула Вера. – Мне надо с чего-то начинать. Перво-наперво я поеду в детективное агентство, найму сыщика и соберу всю информацию, какую только возможно, о господине Намине Никите Борисовиче. Это мой бывший муж. Для этого мне нужны деньги. Но сначала отдохну и отосплюсь. Если, конечно, не прогоните.

– Я вас не гоню, – тихо молвила Клавдия Ивановна. – Оставайтесь сколько хотите. Честно сказать, я уже подумывала над тем, что делать с Таниными вещами, – она посмотрела на сумки. – Даже хотела их сжечь, эти проклятые деньги. А что еще? Не соседям же раздать, – усмехнулась она.

– И тут появилась я! – улыбнулась Вера. – Не беспокойтесь, Танину волю я выполню. Но мне надо с чего-то начать...

Прежде чем явиться в банк по просьбе своей «клиентки», Вере надо было разжиться новой дорогой машиной и привести себя в порядок. Танина касса была далеко не единственным Вериним активом. Иногда кристальная честность, ответственность и порядочность приносят неплохие дивиденды.

* * *

Солнечный свет не беспокоил, потому что на окнах были жалюзи, и к тому же в спальне работал кондиционер. Богатые люди не страдают от жары и не мерзнут, они просто не успевают почувствовать капризы погоды, всего лишь легкий дискомфорт, пока идут от дверей своего дома или офиса к машине. Если же вдруг им, богатым людям, покажется, что они слишком долго не видели яркого солнца, всегда можно сесть в самолет и насладиться жарой сполна. Нет, не жарой, а теплом, комфортной солнечной погодой, которая

не препятствует купанию и не изнуряет. В какой-нибудь точке земного шара в любое время года обязательно выдастся пара недель, именуемых «бархатный сезон». А для чего еще нужны деньги? Чтобы не испытывать неудобств, так докучающих простым смертным. И жару в том числе.

Никита спал сладко и сны видел исключительно приятные. Проснувшись, он обрадовался новому дню вдвойне, потому что выходной. Не надо ехать в офис по причине того, что он сегодня закрыт. А «поработать дома с документами» можно в любой момент, когда захочется остаться одному. Стоит только плотно закрыть дверь кабинета, и все домашние станут ходить на цыпочках: папа работает.

О том, что на улице жара, он мог только догадываться. В инете писали, что в выходные погода москвичей порадует, да еще домработница попросила выходной, надо, мол, внучку отвезти на реку искупаться. А то родители заняты, а на улице зной: ребенок задыхается в квартире на пятом этаже. Что ж, дети – это святое, и Никита не стал возражать: раз в неделю прислуге положен выходной, главное, чтобы *у них* не совпадали эти выходные. У людей, которые работают в доме Наминых. Чтобы кто-нибудь из прислуги на месте обязательно был. Взаимозаменяемость за прибавку к жалованью.

Завтрак вызвалась приготовить Таша, и Никита терпеливо ждал, пока она проснется. Энтузиазм жены его забавлял. Но он был влюблен, поэтому все неудобства, связанные с Ташей, переносил стоически, и даже не пошел на кухню пере-

хватить бутерброд. Вместо этого Никита терпеливо сидел на веранде с ноутбуком и читал новости в предвкушении замечательного дня. Сегодня ждали в гости Дашу-старшую, сестру его жены. Даша была на семь лет моложе Таши, она училась в университете и тоже была очень умной и, разумеется, красивой.

Даша-старшая ездила на машине, которую купил ей, разумеется, Никита. Как покупал турпутевки в лучшие отели, оплачивал дизайнерскую одежду и модные сумочки, абонементы в фитнес-клуб и счета в дорогих ресторанах. В семье это считалось выгодным вложением денег: Даша вскоре удачно выйдет замуж. Жениха пока нет, но в том, что он найдется, никто не сомневался. Такие девушки, как Таша и Даша, на дороге не валяются. И возраст у Даши подходящий: двадцать лет. Непременно сыщется какой-нибудь олигарх, как он сыскался для ее старшей сестры.

У Никиты же был свой интерес: младшая сестра стала для Таши кем-то вроде компаньонки. Как в былые времена, когда женщине, занимающей определенное положение в обществе, неприлично было путешествовать одной, в одиночестве ходить по ресторанам, да и в магазин за покупками полагалось идти с компаньонкой. Так она была защищена от притязания мужчин. Когда Таша была с Дашей, все внимание противоположного пола доставалось младшей сестре, незамужней и бездетной. Таша сама выдвигала ее на передний план и тут же уходила в тень. Поэтому Никита охотно использо-

вал сестру жены в качестве живого щита. Это прекрасно работало.

Иногда Никите казалось, что он попал в сказку. Жил да был Иванушка-дурачок, и вот он поцеловал лягушку Веру. Как по волшебству, появилась фирма, должность гендиректора, собственная квартира. А потом и вовсе дворец! И три принцессы: жена, ее младшая сестра и дочка. Три красавицы, ибо Даша-младшая тоже была на загляденье. Никита и сам мужчина видный, да жена-модель, на кого бы дочка ни стала похожа, голубые глаза и золотые локоны ей обеспечены.

Что же касается лягушки Веры, она, как ей и положено, оказалась в болоте. Курица орлу не пара, не на того замахнулась. Жена у Никиты на девять лет моложе, в то время как Вера на девять лет его старше. Бывают же такие совпадения! А на вид так Вера и вовсе старуха. Вот пусть и квакает в своем болоте.

А что до другой гм-м-м... лягушки. Марго. Маргарита Станиславовна. Бывшая владелица фирмы, которая ныне принадлежит Никите. Тут пришлось, конечно, поработать. Даже после того, как единственный сын Марго и наследник семейного бизнеса Павел погиб в автокатастрофе, к которой Никита, кстати, не имел отношения, Марго не сломалась. Парень просто ни в чем не знал отказа, и компанию ему Никита нашел подходящую: таких же отвязных представителей золотой молодежи. Ночные клубы, девочки, экстремальные развлечения, выпивка-наркотики. В итоге трое парней, об-

куренные, на бешеной скорости пытались взлететь в тоннеле. Машина врезалась в бетонную опору и загорелась. Тела из нее извлекали при помощи автогена. Но Марго держалась.

Доконали ее пластические операции. Ускользящая красота, которую она во что бы то ни стало хотела удержать. Марго просто помешалась на этом и переживала появление каждой новой морщинки так, как не переживала гибель единственного сына. Никита старался не вспоминать, как Марго закатывала ему истерики, упрекая в неверности. Молодой любовник был еще одним средством, с помощью которого она старалась вернуть собственную молодость. И кто такое выдержит?

Три года назад ему удалось-таки упрятать эту истеричку в психушку и получить над фирмой полный контроль. Марго ни в чем не нуждается, у нее хорошие врачи и вполне комфортные условия. Она никогда и ничего не хотела знать о делах, так что, можно сказать, сбылась ее мечта. Ей должно быть сейчас хорошо.

Но целых два года Никита жил как на вулкане. Марго считали в Ташиной семье его богатой тетушкой, которой Никита помогает управлять бизнесом. А потом тетушка серьезно «заболела», и семейный бизнес, само собой, перешел в руки «племянника». Таша даже навещала пару раз Маргариту Станиславовну в больнице, беседовала с главврачом, интересовалась здоровьем «родственницы». Никиту забавляла эта комедия, а иногда напрягала, но его жена была доброй

девочкой. Быть может, даже слишком доброй. Она никогда не знала горя, все ее проблемы решались сначала родителями, потом богатым мужем. Даже беременность и роды Таша перенесла играючи. Еще бы! Все носились с ней, как с фарфоровой куклой! У нее была лучшая клиника и лучшие врачи...

– Ник, я что, проспала?!

Он задумался и поэтому невольно вздрогнул: жена! Фарфоровая статуэтка в голубом шелковом кимоно, лицо заspanное, но все такое же милое и удивительно красивое. Легкая припухлость губ и сонный взгляд ей удивительно идут. Чудо, что за женщина! Он счастливо улыбнулся:

– Нет, сегодня выходной. Я терпеливо жду.

– Ах да! Я обещала приготовить тебе суши!

– Раз ты в кимоно, значит, не забыла о своем обещании.

– Я сейчас! Извини, что проспала, любимый! – виновато улыбнулась Таша и стала еще милей.

У жены имелась одна особенность: Таша не просто бесконечно чему-то училась, она горела желанием непременно быть полезной. Так ее воспитали родители. Никто не должен даром есть свой хлеб. Поэтому все полученные знания Таша обязательно применяла на практике. Освоив французскую с итальянской кухни, жена перешла к японской. Поэтому сегодня его ждал традиционный японский завтрак, как сказала Таша. А вечером – чайная церемония. Раз у домработницы выходной. О! Не будь у мужа таких денег, Таша прекрасно

справилась бы с домашним хозяйством! Во всяком случае, Никите хотелось так думать.

За завтраком жена вдруг надулась.

– Ты ничего не замечаешь, Ник?

– Нет, а что?

– Ну, посмотри же на меня! – Таша в нетерпении заправила за ушко золотистую прядь волос. У няни выходного сегодня нет, поэтому они завтракали вдвоем.

– Завтрак бесподобен, – улыбнулся он. – И ты тоже.

– Да я не о том! Я только что получила сертификат мастера спекания стекла по технологии фьюзинг!

– Как-как?

– Окончила курсы, – с гордостью сказала Таша. – Украшения, которые на мне надеты, я сделала сама! – Она указала пальцем на кулон, висящий на нежной шее. – И эти серьги тоже сделала сама. – Она пальчиком с безупречным маникюром тронула ушко.

– Да ты что?! Ну-ка, ну-ка...

Он принялся разглядывать кулон, честно говоря, уделяя больше внимания шейке, на которой тот висел. Никита невольно улыбнулся. Почему бы не отправиться в спальню после того, как он отдаст должное кулинарным шедеврам жены? Раз Даша-младшая гуляет с няней в парке, а Даша-старшая придет только вечером...

– И что скажешь? – нетерпеливо спросила Таша.

– Здорово! – он говорил почти искренне. Для куска стек-

ла, вставленного в дрянную металлическую оправу, это не так уж и плохо, но Никита предпочел бы, чтобы любимая жена украшала себя исключительно бриллиантами.

– Теперь у меня нет проблем с подарками, – радостно сказала Таша. – Знаешь, я подумываю о том, чтобы открыть свой магазинчик. Есть еще курсы по войлоковалению, арт-бизу, роспись ткани по технологии батик... Раз ты говоришь, что у меня хорошо получается, я могла бы это продавать. Я хочу быть полезной. Вносить свою лепту в семейный бюджет.

Кулон на Ташиной шейке сразу показался Никите уродливым. Одно дело развлечение, и совсем другое дело бизнес. Никита готов был есть Ташины кулинарные шедевры хоть каждый день, но не собирался вкладывать деньги в ее магазин. Потому что жена по сути своей модель, а не кутюрье. Она создана для того, чтобы носить красивые вещи, а не делать те, которые украшали бы других. Комплект – кулон и серьги – наверняка выполнен под чутким руководством мастера, у которого, безусловно, есть вкус. Ему за то и деньги платят. И за комплименты, которые он должен говорить своим ученикам, про их золотые руки, чутье и т. д. Но Ташина идея открыть магазин сама по себе дурацкая. Кто будет покупать ее «шедевры»? Подруги? Эти избалованные дамочки, каждая из которых (ну почти) пытается раскрутить мужа на такой же «бизнес»? Все эти модные салоны и арт-галереи лопаются как мыльные пузыри, едва мужей прижимает с день-

гами. Таша не должна идти по такому пути.

Хотя желание жены еще чему-нибудь научиться можно обернуть в свою пользу.

– У меня есть идея получше, – сказал он как можно мягче.

– Получше?

– Почему бы тебе не записаться на курсы самообороны? Рукопашный бой, какое-нибудь джиу-джитсу или что там сейчас в моде? На твой вкус.

– Ты хочешь, чтобы я научилась драться?!

– Не драться. Защищать себя.

– Ты шутишь? Кого мне бояться?

– Милая, бояться надо всегда. У таких, как мы, много завистников.

– Но они же не будут кидаться на меня с ножом! – В голове у профессорской дочки не укладывалось, что отношения можно выяснять кулаками, а не на диспуте.

– Ты очень красивая женщина. Глядя на тебя, мужчины теряют голову, – гнул он свое. Никита думал в это время о Вере, а вовсе не о сексуальных маньяках. Если бывшая жена нападет вдруг на Ташу, та должна уметь постоять за себя. Дать отпор. – Точный удар в гм-м-м... нужное место действует отрезвляюще. Я уверен, что у тебя получится.

– У меня-то получится. Я очень спортивная, – с гордостью сказала Таша. – Но мне никогда не приходило в голову учиться боевым искусствам.

– А жаль. Потому что эта область знаний осталась тобой

не охваченной. Похоже, дорогая, все кухни мира изучены, – подмигнул он. – Языки ты тоже одолела. Займись-ка физподготовкой.

– Ну, раз ты хочешь... – с сомнением протянула Таша.

– Я подыщу тебе хорошего тренера. Чтобы ты не филонила.

– Я никогда не филоню! – вспыхнула жена.

– Вот и докажи мне это. А бижутерию оставим на потом.

Кстати, и руки укрепишь. Для войлоковалаяния, – не удержался он от иронии.

Последний аргумент Ташу убедил. Да, мастер сказал, что пальцы у нее слабоваты. А есть еще лепка из глины, которая ее так заинтересовала! Поэтому она охотно согласилась на курсы самообороны. Для укрепления мышц.

Никита вздохнул с облегчением. Он собирался поговорить с тренером, чтобы жену погоняли как следует. Надо увлечь ее боевыми искусствами, сделать занятия интересными. И тогда Вера будет бессильна, даже если задумает вдруг физическое устранение. Другое ей не под силу, денег-то у Веры нет. При всем ее уме финансовая империя Никиты Намина несокрушима...

...Уже в понедельник Таша приступила к занятиям. В отличие от других ее увлечений, это Никита взял на контроль. Тренер заверил господина Намина, что уже через месяц Таша сможет дать отпор любому врагу, даже если это будет большой и сильный мужчина.

– Ваша жена находится в прекрасной физической форме, – похвалил Ташу тренер.

– Она спортсменка, – с гордостью сказал Никита.

– И она очень ответственно подходит к занятиям.

– Да, она такая. Серьезная.

– Редкий тип женщины: красивая, но не легкомысленная и не пустышка. Повезло вам с женой.

– Я и сам так думаю, – нахмурился Никита. Ему не нравилось, когда мужчины с таким энтузиазмом хвалили его жену.

В Таше он был уверен, но все же... У каждого человека есть слабости. Хоть одна. До сих пор Таша была непогрешима. Никита же прекрасно осознавал, что именно жена – его слабость. И если враг захочет нанести ему удар и этот враг неглуп, он будет выцеливать именно Ташу. И ударит по ней. Защищая ее, Никита защищал себя. Сидя на низкой скамеечке в самом темном уголке спортзала, пропахшего едким потом, и глядя, как жена наносит удары, Никита мысленно ее подбадривал: «Ну же, милая, давай! Вот так! И еще раз! Все, он труп. Точнее, она».

Да, он почти уже похоронил Веру. Он запер в четырех стенах Марго. А деньги положил в надежный банк. По всему периметру участка, на котором стоит его особняк, протянута проволока под напряжением. В офисе охрана, мышь не проскочит. Жена посещает курсы самообороны, хотя и не знает, для чего именно. Сказать ей? Предупредить?

Но так же, как он в свое время не сказал ей правду о том,

каким образом заполучил свой бизнес, не сказал правду о Марго, о своем сроке, пусть и условном, о том, что был женат, в общем, сочинил красивую сказку о своем прошлом, в которую Таша безоговорочно поверила. Так же и сейчас Никита не решился. Вера всего лишь тень, месяц-другой, и она исчезнет совсем, растает без следа. Зачем беспокоить Ташу?

И Никита оставил жену жить в ее сказке, как в хрустальном замке, предпочитая возводить вокруг нее все новые и новые стены, лишь бы принцесса спала...

* * *

За месяц она многое успела, потому что очень старалась. Теперь у Веры были деньги и была цель. И еще Вера Александровна Алмазова полностью пришла в себя. Надо жить дальше!

Господи, если бы Клавдия Ивановна знала правду! Но зачем?

Почему ее дочь не вернула деньги? Ха-ха!..

– Сволочи все, Верка! Ты даже не представляешь себе, какие сволочи! Говорят клиентам: мол, денежки ваши еще не поступили на счет, с налогами тянут, сколько возможно, платят в последний день. Да что там! Буквально в последнюю минуту! Я-то знаю. А сами эти гигантские суммы прокручивают, а проценты кладут себе в карман. Сколько у банка ИП,

сама посуди! Даже с миру по нитке – и то нищему рубашка. А тут соболья шуба, да не одна! Кредиты опять же. Банк сам решает, какой назначить процент, дать или отказать. А какие они откаты берут? Миллионы долларов! Меня как-то посылали за чемоданчиком. Маленький такой чемоданчик, ха-ха... Первый взнос. А если бы менты меня тогда повязали? Я бы все равно села, потому что я – крайняя.

– Успокойся, Таня.

– Нет, ты послушай! Я чужая, понимаешь? Девочка с улицы. А прибыль делят свои. Семья хозяина. Все, кому удалось с ним породниться, хотя бы в крестные заполучить – те в шоколаде. Особенно любовницам везет. У генерального под боком целый гарем! Ходит этакая цаца, лицо загорелое до черноты, волосы белые, как снег, ногти в перчатки не влезают – такие длинные, сама тупая как пробка, девчонка еще совсем, платежку заполнить не умеет, зато она – начальница! Не по факту, так по сути. Попробуй слово поперек скажи – мигом вылетишь! Зубами поскрипишь, а бывает и поплачешь тайком в туалете, и возвращаешься с улыбочкой: чего изволи-те? А я ростом не вышла, маленькая, полноватая, да личико подкачало. Одно только и есть: мозги. Да разве за это любят, Вера? Ты и сама знаешь. На том же обожглась. Ночная кукушка дневную всегда перекукует. Вот и живешь: работа – дом, дом – работа. Незаменимый сотрудник, как же! А для себя-то что? Подружки завидуют, с которыми в школе учи-лась? Да знали бы они, эти подружки, как я по ночам в по-

душку рыдаю! Ничего, терплю. А где лучше-то, Вера? Везде так. У меня же вся жизнь в кредит! Да, зарплата большая. Но меня этими кредитами повязали по рукам и ногам! Это даже хуже, чем рабство. Я, может, и села, чтобы наконец освободиться. Смешно, да? Куда ни кинь – везде тюрьма. Я жалею, что украла у них всего миллион. Вернуть? – Таня сверкнула глазами. – Ага! Не дождетесь!

Вера нахмурилась. Рассказать об этом Клавдии Ивановне? Если бы Таня была уверена, что ее поймут, она сама бы все рассказала. Нет, она знала: мать ее не поймет. Одна против всех, потому и ошиблась. И Вера одна.

– Возьми эти деньги, – попросила перед смертью Таня. – Себе купи, что хочешь, а матери моей – семью. Ты умная, поэтому я тебе доверяю. Ты сообразишь, как поступить.

– Ты хочешь, чтобы я нашла твоего брата?

– Да чего его искать? – горько усмехнулась Татьяна. – У нас не Санта-Барбара, Россия. В соседнем доме он, сволочь, живет. Если уже не помер от цирроза печени. Вот судьба-злодейка! Мать училась в Истре, когда залетела в семнадцать лет, там же рожать решила, подальше от дома, чтобы родители не узнали. Вспомни, какие времена тогда были? Это ж позор! Без мужа родила! Да и учиться надо, место искать, на хлеб зарабатывать. Мать в семье шестым ребенком была. Вот и придумала практику на все лето, то да се. Родила и от ребеночка отказалась. Мальчика никто так не и усыновил. В местный детдом его отдали. Когда у меня день-

ги появились, я все про него разузнала. Тоже думала: брата найду, будет семья. Нет, Вера, это только в кино так бывает. Вдруг находится дядя-миллионер или братец, с которым в детстве разлучили. Само собой, красивый, богатый. А у меня нашелся... алкаш. Он после детдома квартиру однокомнатную получил, профессию опять же – ПТУ закончил. Государство о нем хорошо позаботилось, да толку? Спился он, Вера. И надо же – в электричке как-то познакомился с женщиной, которая в Шаховской живет, у них с моей матерью, ты подумай, окна напротив! Женился, переехал.

– Его Германом зовут?

– Да какой там Герман! – махнула рукой Татьяна. – Это мать так хотела его назвать, вот и сказала нянечке: пусть будет Герман. Да кто станет слушать какую-то полумойку? Василием его записали, главврач так решила. Без отчества. Это он сам себя потом Ивановичем окрестил. Я ж его с детства знаю. И жену его. И племянника. Данила у моей матери учился, сколько она из-за него к директору ходила! Все просила на второй год оставить или отправить в школу для умственно отсталых. Знала бы она, что это ее внук! В общем, Верка, обычная бытовуха. Семейка та еще! Все пьют, да кого у нас этим удивишь, в нашей-то дыре? Я еще подумала: не дай бог они узнают, что мы родственники. Так и будут за деньгами шастать. От братца всего можно ожидать, а мама, она добрая. Будет себя корить: если бы я его в роддоме не оставила, он бы таким не вырос. Да кто знает-то, Вера?

Вот я выросла, выучилась, а толку? Все равно в тюрьме сижу. Не хочу я такой жизни, потому и помираю. Глупо все было. Быстро и глупо. А ты за нас отомсти. За себя и за меня. Поживи как следует. И найди там какого-нибудь... Германа. Неважно, кто он по профессии, лишь бы не пьющий. Не хочу, чтобы до конца своей жизни Новый год мама встречала одна. Это ведь так тоскливо. Сидишь за накрытым столом перед телевизором, тупо смотришь в экран, давишься шампанским и думаешь: кто только придумал этот праздник? И куда девать столько выходных?

Об этом Вера тоже ничего не сказала Таниной маме. Надо будет подыскать порядочных людей и поручить им Клавдию Ивановну. Давать деньги на ее содержание при условии, что Афанасьева ничего не будет знать. Кому помешает такое пособие? Таня подробно описала своего брата: цвет глаз, волос, форму носа, хотя все это может с возрастом измениться. Вдруг он вообще без волос родился, этот Герман? А глаза у всех младенцев одинаковые, «молочные». Все можно объяснить, главное, проявить фантазию.

Вере нужен был помощник. Но сначала она решила проблему с жильем. Поселилась в дешевой гостинице, где на ее справку закрыли глаза, и стала подыскивать съемную квартиру. Больше всего Вере хотелось жить в своей, но она прекрасно понимала, что так быстро ее не вернешь. Сначала нужен антураж, чтобы Юля и ее адвокат поняли, с кем имеют дело.

Привести себя в порядок труда не составило. Когда-то Вера Александровна Алмазова в этом преуспевала. Главные святыни модников остались незыблемыми: ГУМ, ЦУМ и Пассаж. Вера очень быстро составила себе модный гардероб. Холеные девушки-менеджеры в дорогих бутиках сначала встречали ее презрительными взглядами, но лица их менялись, едва Вера открывала сумочку, чтобы расплатиться. Деньги она тратила не считая.

Потом настало время заняться прической и лицом. Салон красоты, куда ходила когда-то директор магазина Алмазова, остался на месте, не разорился за десять лет. Мастер по маникюру Веру сразу узнала и засуетилась.

– А вот Лена уволилась, – с сожалением сообщила милостливая светловолосая женщина, включая гидромассаж.

Вера с наслаждением опустила ноги в душистую воду.

– Тогда, быть может, вы, Настя, порекомендуете мне кого-нибудь? Я хочу покрасить волосы так, чтобы это было стильно.

– У нас сейчас в основном гастарбайтеры трудятся. Хозяйка деньги экономит, да и страховку не хочет платить. Я имею в виду, не россияне, – Настя слегка порозовела. – Если вас это не смущает...

– Меня, Настя, давно уже ничто не смущает. Лишь бы человек был хороший.

– Тогда я скажу Зое, чтобы занялась вами.

– Зое?

– Так-то проще. По-русски.

– Да, ты права.

– Как сами-то, Вера Александровна? – осторожно спросила Настя.

– С трудом узнаешь меня, да?

– Время никого не красит. – Мастер низко нагнулась и энергично принялась водить по Вериной пятке шершавым кружком пемзы. – Зато не растолстели.

– Это да, – усмехнулась Вера. – Мой сорок четвертый размер по-прежнему при мне. Как бы не сорок второй.

– Ну вот! Это главное! Была бы фигура, а костюмчик найдется!

– Скажи, а косметолог еще работает?

– Я дам вам ее телефон, – деловито сказала Настя. – Думаю, она вас примет. Она теперь на дому работает, так проще.

У Зои, очаровательной миниатюрной девочки с глазами испуганной газели, оказался хороший вкус. И еще она не навязывала клиенткам свою волю. Это в характере восточных женщин.

– Как будем стричься? – тихо спросила она, замерев возле кресла с ножницами в руке.

Вера наметанным глазом оценила ее прическу. Если мастер сам себя не может облагородить, вряд ли он осчастливит клиентов. С волосами у Зои все было в порядке.

– Я предпочитаю естественность, – сказала Вера.

– Я думаю, вам надо вернуть ваш натуральный цвет, – оживилась Зоя. – То есть просто покрасить волосы. А длину не убирать, только немного подровнять. Вам не идет короткая стрижка, у вас щеки впалые.

– Лучше скажи, лицо изможденное, – усмехнулась Вера. – Что ж, будем отращивать волосы. А пока сделай все, что возможно.

Зое, как и Насте, Алмазова оставила щедрые чаевые. Теперь она была готова для визита в автосалон.

– Я хочу «Инфинити», – сообщила Вера кинувшемуся к ней менеджеру. Глаз у парня был наметанный, он сразу понял, что клиент пришел серьезный. – Полная комплектация, все, что у вас есть, топовая версия. Плачу наличными всю сумму. Если сделаете быстро, получите немаленькие комиссионные. Машина нужна мне в ближайшие дни.

В общем, к банку подкатила солидная дама, знающая себе цену. Летний костюм с юбкой на пять сантиметров выше колена, красивая, но удобная обувь, серьги и кольцо с бриллиантами, но маленькие и изящные: не на бал собралась. Деловая женщина, с деньгами и со вкусом. Именно такой Вера и хотела казаться. Она сразу потребовала встречу с управляющим.

– А что вы хотели? – вежливо спросила сидящая за стойкой девушка. Верин вид к хамству не располагал. И машина, на которой она приехала, тоже. В окно секретарше прекрасно было видно, кто и как паркуется у банка.

– Я от Розы Яковлевны. Скажите: Алмазова Вера Александровна, он знает.

Судя по скорости, с которой управляющий ее принял, Вера поняла, что тот в курсе, кто к нему пришел.

– Прошу вас, – он широким жестом указал на глубокое кожаное кресло. Вера села прямо, на самый краешек. – Чай, кофе?

– Зеленый чай без сахара.

– Света, – кивнул управляющий. Секретарша исчезла. – Как там Роза Яковлевна поживает?

– Как человек, который находится в заключении, – жестко ответила Вера. – И очень беспокоится о своих деньгах.

– А что с деньгами? – засуетился управляющий. Вера заметила, что упоминание о заключении было ему неприятно. – С деньгами уважаемой Розы Яковлевны все в порядке.

– Представьте мне полный отчет, – сухо сказала Вера. – Роза Яковлевна является одним из главных держателей акций вашего банка. Через подставное лицо, но сути это не меняет. К тому же теперь этим подставным лицом буду я. Вы поняли?

– Да, – облизнул губы хозяин кабинета.

– Когда-то я была генеральным директором торговой сети «Товары для офиса». Слышали о такой?

– Да, – он почтительно нагнул голову.

– Я прекрасно разбираюсь в бухгалтерии. У меня высшее экономическое образование и огромный опыт работы.

– Роза Яковлевна не станет доверять кому попало.

– Вот именно, – усмехнулась Вера. – Там... Вы понимаете, о чем я говорю. Не буду лишний раз упоминать это место, потому что вижу, как вам это неприятно. От тюрьмы и от сумы, как говорится... Так вот *там* сейчас находится немало состоятельных людей, которые получили солидные сроки за экономические преступления. У этих людей на воле остались огромные деньги. И они, эти люди, прекрасно понимают, что за деньгами нужен глаз да глаз. Иначе без штанов останешься. Я была у них *там* казначеем и заслужила доверие. Поверьте, я прекрасно умею вести дела.

– Я зачислю вас в штат, – залебезил управляющий. – Вам выделят отдельный кабинет. Я думаю, что ваш опыт работы...

– Свободный график посещения, – перебила его Вера.

– Само собой.

– И учтите: со мной *нельзя* договориться. Вы понимаете, о чем я.

– Розе Яковлевне повезло, – уныло молвил он, – что она встретила вас.

– Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь, – пошутила Вера. – Я думаю, вы сообразите, как использовать мой профессионализм. А что касается криминального прошлого...

– Господи, да кто ж об этом помнит! – всплеснул руками управляющий. – Вы же не в депутаты баллотируетесь!

– Вот именно. Да и кто у нас не сидел?

– Все уважаемые люди сидели, – угодливо подхватил он.

– Значит, у меня отличный послужной список: десять лет колонии строгого режима.

– Де... десять...

– Вы понимаете, что со мной шутки плохи?

– Д-да...

– Я сидела за убийство. Четырех человек.

Управляющий побледнел:

– Я все понял.

– Вот и отлично. Значит, долго объяснять не потребует-ся. – Вера встала. – Когда я смогу приступить к работе?

Управляющий тоже вскочил:

– Документы будут готовы к завтрашнему дню. Что касает-ся зарплаты...

– Не беспокойтесь, Роза Яковлевна сказала, что я буду по-лучать свой процент с оборота капитала.

– Раз она так сказала...

– А я уж позабочусь, чтобы капитал Розы Яковлевны был вложен с максимальной прибылью.

– У вас есть опыт работы в крупном банке? Вы занимались инвестициями? – слегка подколот ее управляющий.

– Я знаю о работе банка больше, чем вы думаете, – усмех-нулась Вера. – Вас ждет много сюрпризов.

– Что ж...

– Вы поняли, с кем имеете дело?

– Да. Я все понял.

– Отлично! Я приеду завтра в девять. Я привыкла рано вставать. И вы у меня на очереди первый.

– И много у вас таких клиенток, как Роза Яковлевна? – слегка напрягся управляющий.

– Есть, – уклончиво сказала Вера. – Как вы понимаете, слухами земля полнится. Если люди привыкли доверять мне *там*, то они уверены, что лучше меня их деньгами *здесь* не распорядится никто. Я буду присматривать за крупными капиталами весьма состоятельных людей. Своего рода надзиратель. Чтобы капиталы эти не расхитили. Я ведь прекрасно знаю, как это делается. Все эти офшорные схемы, – намекнула Вера. – И не говорите мне о кризисе на Кипре. Я знаю, что вы давно уже подсуетились. И даже знаю источник информации.

– Откуда? – в ужасе прошептал управляющий.

– Я же говорю вам, что я доверенное лицо. Надзиратель. Увидимся завтра, – сухо сказала Вера и вышла.

Управляющий ей не понравился. Надо будет позвонить Розе Яковлевне и сообщить о своем первом впечатлении. Окончательные выводы она сделает, когда ознакомится с документами.

«Вот и мозги на что-то пригодятся», – усмехнулась она, садясь в машину. У них там, на зоне, сложилась неплохая компания. Таня – начальник vip-отдела крупного банка, Вера – генеральный директор большой торговой сети. Роза

Яковлевна... Птица высокого полета. Соучредитель нескольких ООО и ЗАО, названия которых у всех на слуху. Таки-ми делами рулила под прикрытием Министерства сельского хозяйства! Попросили посидеть «за себя и за того парня», при условии, что большую часть капитала Розе Яковлевне оставят. Она пошла на «сотрудничество» со следователем, во всем покаялась, призналась в крупных хищениях государственных средств. Но никто и представить себе не мог, насколько эти хищения были крупными, масштабы воровства Веру поразили, хотя ее не назовешь наивной девочкой!

Розу Яковлевну тоже не назовешь. Что-то в финансовых отчетах ее главбуха, поступавших на зону, даму насторожило. А тут еще и Таня подлила масла в огонь! Три таких головы быстро вычислили схему утечки капитала.

Пять лет, пока Роза Яковлевна будет отбывать срок, за ее деньгами присмотрит Вера. Есть и другие «клиентки», поменьше. Работы у Веры будет невпроворот!

Про банковские схемы Таня много чего порассказала, заполнила пробел в Веринем экономическом образовании, а Роза Яковлевна просветила насчет всего остального. Как обворовывают государство. Трем умным дамам было о чем поговорить. А времени у них – вагон!

«Стоило в тюрьму садиться!» – иногда горько думала Вера. Знания, которые она приобрела у своих подруг по заключению, оказались бесценны. Вера и сама когда-то работала с черным налом, выкручивалась, чтобы налогов поменьше

платить. Но до Розы Яковлевны ей далеко. Та обещала отблагодарить, если Вера справится, и Алмазова не сомневалась, что так и будет. Смерть Тани связала их навечно, они словно сестру потеряли. Это больше, чем дружба, поэтому Вера и предупредила управляющего:

– Меня нельзя купить.

«А вдруг они меня убьют? – подумала она. – Нет, это вряд ли. Побоятся. Они знают, с кем имеют дело. Но на всякий случай надо быть осторожнее».

Вечером следующего дня она выкроила время и для частного детективного агентства. Объявлений в инете было полно, Вера позвонила наугад. Она давно поняла: работать можно с любым материалом. Каждого человека можно чем-то заинтересовать, надо только его понять. Отыскать ключик и отпереть дверцу. Иной раз случайный выбор и является самым результативным. Во-первых, потому, что многого не ждешь, во-вторых, тебя заинтересованы удержать. И наконец, самое главное: между вами нет так называемых третьих лиц. И о тебе – никакой информации, кроме той, которую ты сам о себе пожелаешь предоставить. Зачастую случайные знакомства перерастают в крепкую дружбу. Это как в незнакомом месте заходить в воду: шаг за шагом с опаской ощупывая дно. А потом вдруг оторваться и поплыть, придя при этом в щенячий восторг: а водичка-то – парное молоко!

Вере ответил мужчина. Она хотела сразу же положить трубку, но потом передумала. Судя по голосу, ее собеседник

был немолод и некрасив. Почему Вера так решила, она и сама не поняла. Но представила себе лысоватого дядечку в мятых брюках и пиджаке с протертыми локтями. Типичный неудачник, наверняка в разводе, ездит на дрянной машине или вообще на метро, отдыхает в пансионате «Заря», а на день рождения позволяет себе баночку красной икры и бутылку шампанского «Абрау-Дюрсо». Вера отчетливо представила себе кожаные заплатки на рукавах мятого пиджака и трубку не положила.

– Здравствуйте, что вы хотели? – спросил он.

– Мне надо собрать сведения об одном человеке. Вы могли бы этим заняться? Ничего криминального, – поспешила добавить Вера. – Я разыскиваю своего родственника, мы давно не виделись.

– А в инете не пробовали поискать? – спросил дядечка.

Она невольно поморщилась: еще и честный! Точно неудачник. И жена от него поэтому ушла.

– Пробовала, но ничего стоящего не нашла.

У Никиты Намина есть страничка в одной из социальных сетей, но он не заходил туда года два. Имелась одна-единственная фотография самого Никиты, указан номер школы, в которой он учился, и техникум. Все это Вера знала. А где пляжные фото? Девочки, которых у него всегда было полно? Чтобы такой красавец да не продемонстрировал своей стати? Для того и заводят страничку на каких-нибудь Одноклассниках. Что-то не то.

Ей хотелось знать, почему Никита не жалуется социальные сети. Хвастаться нечем или, напротив, просители замучили? Богатые люди не очень-то любят, когда какой-нибудь работяга, пользуясь тем, что он бывший одноклассник, забрасывает письмами типа: «Как сам? Как житуха? Давай в выходные пивка попьем!»

Как правило, такие посиделки заканчиваются жалобами на жизнь и просьбой:

– Слушай, ты бы и меня куда-нибудь пристроил! Чего тебе, жалко?

Появляется новая головная боль. Отказать? Зазнался! Помочь? Если одноклассник к тридцати пяти годам ничего толком не добился, значит, дурак или лентяй. А то и алкаш! Отвечай потом за него!

Так что там с Никитой?

– Видите ли, я в основном работаю в офисе, – осторожно сообщил детектив.

– Но вы занимаетесь сбором информации?

– Разумеется. Сейчас все есть в инете. Надо просто уметь работать с материалом.

– Вот и поработайте, – раздраженно сказала Вера. – Я человек занятой. Потому и нанимаю вас.

– Хорошо. Назовите фамилию, имя, год рождения *персоны*, если вы, конечно, располагаете этими сведениями.

– Я располагаю, – сухо ответила Вера. – А как насчет денег?

– Вы можете перевести некую сумму на мой счет. Аванс. У меня есть электронный кошелек. Необязательно приезжать.

«Скорее всего, и офиса-то никакого нет. Да, неудачно я позвонила. Но не будем отступать от намеченной схемы. Я дам ему шанс», – подумала Вера.

– Что ж... Давайте попробуем, – сказала она.

– Если результат вас не удовлетворит, остаток денег можете не переводить, – поспешил добавить ее собеседник.

– А во сколько вы оцениваете свои услуги? – усмехнулась

Вера.

– Ну, в зависимости от сложности задания, – он явно мялся.

– Если сложное, то сколько?

– Тысяча долларов, – наконец выговорил он.

«Еще одно подтверждения того, что дела у него плохи. Неудачники оперируют именно круглыми цифрами, и, что характерно, вначале стоит единица: тысяча долларов, миллион долларов. На вопрос, сколько бы вы хотели зарабатывать в месяц, они без запинки отвечают: сто тыщ! Танин возлюбленный тоже запросил миллион долларов. Ей бы насто-рожиться, но когда пылает сердце, мозги отключаются на-прочь».

Картинка сложилась, но Вера решила рискнуть.

– Хорошо. Пятьсот долларов вас устроит?

– Вполне.

– Деньги завтра же утром будут переведены на ваш счет. Что касается персоны, которая меня интересует... Записывайте.

«Я даже имени его не спросила, – вспомнила она, положив трубку. – Да какая разница? Через день-другой он позвонит мне и скажет, к примеру, что Никита Борисович Намин года два как умер и там-то находится его могилка. Я, само собой, отправлюсь на ней поплакать, как примерная вдова. Или еще лучше: Никита живет у мамы, работает на местном рынке рубщиком мяса. Нет, рубщиком – это для него слишком хорошо. Грузчиком. Меня удовлетворит парочка его снимков. Небритый, пузатый, с бутылкой пива в руке. И все. Точка. Можно было бы заявиться к нему на рынок на «Инфинити», в белоснежном костюме и в бриллиантовом колье на шее, но я обойдусь и без этого. Я же не дурочка какая-нибудь... И я никогда не узнаю имени человека, который ради меня два дня лопатил инет...»

Пятьсот долларов она перевела на указанный счет утром следующего дня. Попросила об одолжении секретаршу, которая рада была услужить новой начальнице. Уже пошли слухи, что Вера Алмазова обладает неограниченными полномочиями. Самой Вере еще надо было восстановить свой социальный статус: обзавестись всеми необходимыми документами, решить вопрос с регистрацией, навеститься в налоговую. Какое-то время на это уйдет, хотя с большими деньгами все эти процедуры можно проделать быстро. Не в оче-

редях же сидеть!

В общем, она так закрутилась, что совсем забыла про Никиту.

Звонок раздался не через два дня, как она ожидала, а через пять.

* * *

За месяц она многое успела, потому что тренировки ее увлекли. Сначала Таша решила просто угодить мужу, но скоро вошла во вкус. Она с раннего детства занималась спортом. Как говорили ее родители, в человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Негоже превращаться в очкастую отличницу с сутулой спиной. Встречают-то по одежке! Потом, само собой, можно и умом блеснуть. Но внешность девушки – это ее визитная карточка. Так что, мисс, будьте любезны! В человеке все должно быть прекрасно!

Спустя какое-то время Таша узнала, кто автор этого выражения, ставшего крылатым: Чехов. Но уроки тенниса начались раньше, чем уроки литературы, и Таша какое-то время считала, что так красиво думает и говорит ее мама, которая полностью соответствовала этому идеалу. Маленькой Таше непонятно было только одно: душа, что это такое? И где? И как выглядит красивая душа? Есть ли она у мамы? Наверняка есть, и, само собой, красивая, но как это определить?

Душа так и оставалась белым пятном в Ташиных мыслях, которые, все как одна, были красивы. И то, что Таша думала о душе, лишний раз это подтверждало, по словам ее мамы.

– Будь хорошей девочкой, прилежно учись, не совершай дурных поступков, и можешь считать, что душа у тебя красивая, – вот как сказала мама в ответ на Ташины сомнения.

И дочь старалась. Она играла в теннис и брала уроки пилатеса. Регулярно ходила в бассейн и пила полезные фруктовые коктейли. Училась красивой походке в модельном агентстве и умению выбирать вещи, которые ей идут. Формировала вкус, следила за стройностью фигуры и идеальным состоянием кожи лица. Постепенно Таша превращалась в Само Совершенство, неудивительно, что в семнадцать лет ей предложили сняться для обложки модного журнала.

– Почему бы нет? – сказала мама. – Все думают, что красавицы глупы, особенно блондинки. Ты должна доказать обратное.

Так в модельном бизнесе появилась умная блондинка. Ташу еще в шутку звали «Мисс конгениальность». Но она никогда не зазнавалась, это могло плохо отразиться на душе, которая должна оставаться прекрасной. Ташу любили за покладистый характер, за то, что она независтливая, не интриганка и не зазнайка. Это означало, что у нее полно подруг и ни одной настоящей. Зато у Таши была сестра. Такая же, как она, поэтому девушки вполне удовлетворялись обществом друг друга. Потом родилась дочка, и вопрос о том,

как ее назвать, не обсуждался. У Таши с мужем была договоренность: сына называет он, дочку она. С самого начала отношения у супругов складывались идеально, потому что оба они были людьми образованными и цивилизованными.

Дочку она назвала Дашей по имени младшей сестры. Фантазия у Таши совершенно отсутствовала, как это часто бывает у людей, которые все время чему-то учатся. Они постоянно пересказывают чужие мысли, повторяют чужие движения и в итоге теряют способность к самостоятельному мышлению. Все, что они могут, это повторить за кем-то. Таша привыкла повторять за мамой. Никита не возражал против еще одной Даши в семье. Договор есть договор. Сына назовет он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.